

КАЗАЧИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИК

RECUEIL LITTÉRAIRE

КАЗАКС

7

Г
П а р и ж

www.donataman.org

КАЗАЧИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИК

RECUEIL LITTÉRAIRE

КАЗАКС

П а р и ж

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

Стр. 1.	Новая Песня	П. Поляков.
- 2.	"Последние казаки"	И. Тапилин
- 4.	"Два вяза"	И. Тапилин
- 7.	Дневник казака	М. Гаврилов
- 9.	Казаки в Белоруссии	М.П.Морозова.
- 15.	Беспризорник	М.П.Морозова.
- 16.	"Андрюша" Казаки Ермаковы "	П.А.Соколова.
- 21.	"Во вторую мировую" Казаки Ермаковы.....	П.А.Соколова.
- 27.	Как мы жили на Дону - стихи	Е. Ковалев
- 29.	Борьба за родину /продолжение/	С. Макеев.
- 39.	Волго-Донской канал и Цымлянское море	Из рус. газеты.
- 40.	Мы сами виноваты. Стихи	П. Поляков.
- 41.	Молитва за казачий народ. Стихи.....	П. Апостолов.
- 41.	Родина.	Н. Евсеев.
- 41.	Неустойка - стихи	П. Поляков.
- 42.	Я плачу - стихи	В. Сычев.
- 43.	Казак - стихи	П. Котлобанский.
- 43.	Грушевик.	И. Тапилин.
- 48.	Заповеди Казака	Старый Казак.

Принимается подписка на орган культурной мысли :
"КАЗАЧИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК".

Сборник выходит четыре раза в год. Условия подписки :

На I год во Франции - 14,00 н. фр.
На I год за границей - 4 доллара.

В розничной продаже: цена одного экземпляра :

во Франции - 3,50 н. фр.
за границей - 1 доллар.

Просим казаков и казачек присылать в редакцию записанные песни /служивые, бабьи, свадебные и др./, смешные истории из казачьей жизни, на службе и в станицах, пословицы и поговорки из казачьего быта. Просим писать четко и разборчиво.

Весь литературный материал направлять вр. заместителю редактора, Д. БРАТЧИКОВУ. По адресу: 18, rue Wurtz, Paris (13e) - FRANCE.

По этому же адресу выписывать Сборник и высылать деньги.

Rédacteur temporaire - D. BRATCHIKOFF.

КАЗАЧИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК.

RECUEIL LITTERAIRE KAZAKS

№ 7.

ИМЛЬ.

1964 г.

Париж.

№ 7.

НОВАЯ ПЕСНЯ.

Слышад сегодня я песенку нову,
Пел мне полынь да ковыль.
Слушай-же, матушка, Русь безтолковая
Страшную, жуткую быль...
Многое может тебе не понравиться:
Правда-то глазнышки ест!
Но, не сердись! Дон наш скоро пре-
ставится,
Вытесан, вытесан крест.
Был у России он храбрым воителем,
Верным, бессменным слугой,
Русских границ и творцом, и хра-
нителем -
Как даровой часовой.
Тучи над Русью нависли тревожные,
Стонет от крови земля
Взялся мы совершить невозможное:
Выбить совдепы из Кремля.
И взбунтовалась Россия могучая
Любы ей звонны оков,
Двинулись ваньки несметной тучей

Массой давя казаков.
И подломилась силушка ратная,
Замер, тоскуя сполох,
Кровью покрылася степь необъятная,
Голос свободы - заглох!
Слушай, Россия, прощальные, новые,
Стоны сожженных полей.
Ты им готовила крышку гробовую,
Ты - подавала гвоздей!
Что-ж... Забивай. Да гляди, чтоб
не гнулись
Крепче, поглубже их бей.
Бей поскорее, пока не проснулся,
Да зарывай поскорей.
Что глубоко-то? Гляди - не доволь-
но-ли?
Кликни на помощь судьбу...
Слава народу - рабу...

Казаки, найдите атамана,
Казаки - пойдите же за ним!
Кровоточат огненные раны,
Злой тоской окутали туманы
И клубится от пожаров дым.
Казаки - сгоревшими степями
Не звенят подковы дончаков...
Трупы мы оставили за нами
Унеся прадедовское пламя
Уводя измученных бойцов.
Что-ж, аль правда все позабыли?
Аль иная дума залегла?
И к далеким берегам приплыли,

След придонской обмахнули пыли,
За чужие взялись дела?
Поржавели брошенные пики
Десять лет тускнели палаши,
А в Дону - от красных тряпок блики
В алтарях - полынь и повилики
И казачьей не видать души...
Не шумят станичные майданы,
Там казак - и предан и гоним...
Гей, пора по всем собравшись стра-
нам,

Отыскать себе нам атамана
И пойти безудержно за ним.

П. Поляков.

" ПОСЛЕДНИЕ КАЗАКИ " Записки эмигранта.

В Австрии можно встретить много маленьких городков, расположенных в живописной местности, где чувствуется какой-то особенный душевный покой, дополняемый красотами природы.

В одном таком городке, расположенном около озера, окаймленного лесистыми горами, немного в стороне от городка стоит двухэтажный дом, резко выделяющийся своей белизной на зеленом фоне леса.

Это дом - приют для стариков австрийцев, но вместе с ними живут и пять русских стариков беженцев.

Мне пришлось побывать в этом доме. Там я встретил восьмидесятилетнего донского казака, Федора Ефимовича.

- А с Хопра, - заявил он мне при нашем знакомстве.

- А я с устья Медведицы, - отрекомендовался я.

- Значит, станичники, соседи, - оба подтвердили мы.

Высокого роста, с копной седых волос, с окладистой белой бородой, с нависшими бровями, Федор Ефимович казался былинным кудесником, мудрецом.

Он вкратце рассказал мне свою беженскую эпопею.

Гражданская война, Крым, Лемнос, Сербия, бегство в Австрию, лиенцевская трагедия, - все это этапы пройденного и пережитого им жизненного пути. Теперь он доживает свой век у чужих людей, в стариковском приюте, как бездомный нищий.

Мы пошли с Федором Ефимовичем к озеру, сели на скамейку, стоящей около самой воды и начали нашу беседу.

- И был в в Филлахе, - начал я, - и там мне сказали, что в вашем городке, в приюте стариков живут и русские старики. Вот я и приехал посмотреть на вас.

- Спасибо, станичник, спасибо! А то нас никто не посещает, - сказал Федор Ефимович.

- Как же вы сюда попали и как вам тут живется? - спросил я.

Федор Ефимович поведал мне следующее:

- Когда в Лиенце англичане стали хватать и убивать наших казаков, народ от страха стал разбегаться во все стороны.

И со своим станичником, тоже хоперцем, Филатом Пастуховым, видим что народ бежит в горы, и мы поддались туда же. В горах проскитались с неделю. Что ели, как спали, - один Бог знает. Видно, что все равно нам погибать в горах, вернулись в Лиенц.

Тут немного утихомирилось. После жили по разным лагерям, а вот с 50 года нас определили в этот дом, и я тут живу уже четвертый год; а Филат, царство ему небесное, помер в прошлом году и похоронен на здешнем кладбище. Хотите посмотреть его могилу? - предложил Федор Ефимович.

- Пожалуйста, пойдите, посмотрим, сказал я.

Около могилы Филата Пастухова стояла скамейка, и мы сели на нее. - Эту скамейку я сделал, - заявил Федор Ефимович. - Когда мне сгруснется что-нибудь такое, печальное, я иду сюда к Филату, как бы на совет. Только вот крест не наш. не православный; да и написано на нем тоже не по нашему, и не узнаешь, что тут похоронен казак Петровской станицы, Хоперского округа, Филат Пастухов, шестидесяти лет от роду. Вот так бы надо, по нашему христианскому. Федор Ефимович опустил голову, задумался и сказал: - А впрочем, чужая земля... Кому мы тут нужны... -

- Да, казачьи кости разбросаны по всем землям света, - сказал я. - Нужны мы были только нашему батюшке Тихому Дону. Он весь усеян казачьими костями... -

Федор Ефимович продолжал:

- Филат очутился за границей в последние вою. Он прибыл сюда вместе с казаками, ушедшими с Дона. Он много рассказывает мне про теперешнюю жизнь на Дону.

- Нет, Федор Ефимович, ты на Дон не стремись, - говорил Филат. Казаков, какие мы с тобой были, там больше нет. Я, говорит, как только пришла советская власть, не жил, а мучился. Мало того, что кругом видишь нужду и слезы, над тобой насмеются и попрекают за старую жизнь. Бывало идешь по улице, а какой-нибудь сморчок кричит: - Эй, дядя Филат, ты кого ждешь: царя или веревку? - Так испортился народ, что от прежних казаков и звания нет. Мы, - говорит, - Федор Ефимович, с тобой последние казаки! Так и сказал, царство ему небесное. Я осиротел после него. Иногда приду сюда, сяду на скамейку около могилы и пойду в голове казачьи думы. Все вспомню, вся жизнь пройдет передо мной.

И, правду вам сказать, дорогой станичник, прожил я на чужой стороне более тридцати лет, всего насмотрелся... Такой жизни, какая была когда-то у нас на Дону, привольная, хорошая, я нигде не встречал.

- Не беспокойтесь, Федор Ефимович, - желая его успокоить, сказал я. Даст Бог, вернемся на Дон и опять устроим нашу простую, христианскую, казачью жизнь.

- Нет, дорогой станичник, - заявил Федор Ефимович: - людей нет, не с кем будет строить такую жизнь.

После кладбища, мы пошли в дом приюта. Федор Ефимович угостил меня "чем Бог послал" и продолжали нашу беседу.

- Мы, с покойным Филатом жили тут по нашему, по казачьему. - Под Рождество Христово и Светлую Пасху говели, а потом разговлялись. А вот на Покров, на наш казачий праздник, так уже мы бывало и гульнем немного. Наденем нашу донскую военную форму, споем: "всколыхнулся, взволновался, православный Тихий Дон, а потом выпьем по стаканчику водочки и песни наши споем, я заведу, а покойный Филат поддишкантит, и так это хорошо после на душе становится, даже слеза навернется.

- А откуда же у вас донская военная форма? - поинтересовался я.

- В Лиенце получили. Один вахмистр пришел к нам в барак и говорит: - Вы, старики, тут останетесь, а нас видите, как хватают и куда-то везут?.. Так, чтобы наша казачья присяга не попала в руки неприятеля, возьмите этот узел с обмундированием и сохраните. А когда умрете, пусть вас похоронят в наших донских мундирах. - Так и сказал. - В узлу был вахмистрский мундир, двое шаровар с лампасами, двое сапог, гимнастерка и две казачьи фуражки с кокардами. Это как раз подошло мне: ведь я тоже старший вахмистр. И вот мы, с покойным Филатом, на Покров, на наш казачий праздник, надеваем нашу казачью форму, становимся -

смирно! и поем: всколыхнулся, взволновался... А Филата я так и похоронил в казачьей форме. Пусть он идет на тот свет казак.

- Я, Федор Ефимович, давно не видал нашу форму, покажите ее мне.

Он открыл сундук, очень бережно, как бы прикасаясь к священным реликвиям, вынул мундир, брчки, сапоги и положил на кровать, а фуражку взял обеими руками и надел на голову, как свою корону и сказал:

- Вот теперь я настоящий казак, а когда умру, меня во всем этом похоронят. Приезжайте ко мне еще, - просил на прощанье Федор Ефимович.

А если меня в доме не окажется, значит, и я буду лежать рядом с Филатом. Помолитесь Богу за упокой душ последних казаков.

Мы молча пожали друг другу руки и расстались.

Я едва выговорил: Напишу! У меня текли слезы.

Федор Ефимович махнул мне вслед рукой. Через три месяца после моего посещения Федора Ефимовича, я послал ему письмо и поздравил его с казачьим праздником Покрова Богородицы. Он ответил мне слезным письмом.

- Один я, - писал он. Мой станичник Филат оставил меня одного горе горевать. Нет ни одной казачьей души... Приезжайте ко мне, дорогой станичник, поговорим о нашем кормилице Доне, о казачьей жизни...

Приблизительно через год я поехал навестить Федора Ефимовича. Дорогой меня мучило какое-то предчувствие. Оно оказалось пророческим: Федора Ефимовича я не застал в живых. Он недавно умер.

- Там его похоронили, - заявил мне один старик из приюта, рядом с Пастуховым... Обрядили в казачью форму... Хороший был человек, царство ему небесное, - крестясь, говорил старик.

С большим волнением шел я на кладбище.

- Вот они, последние казаки, - думал я, глядя на два могильных холмика с крестами у изголовья и надписями на них с именами умерших.

С болью в сердце, с глубоким молитвенным настроением стоял я у этих могил.

- Царство вам небесное, рабы Божии Федор и Филат. За чьи грехи покоятся ваши кости в чужой земле, а не в родном крае?

" ДВА ВЯЗА "

В давнюю и даже недавнюю старину существовало в простом народе много разных легенд, преданий, примет и суеверий.

У простых казаков, когда речь шла о каком-либо загадочном, мистическом случае или примете, одыбно в народе говорили: - Так рассказывали старые люди.

Этому верили и принимали за истину, не подлежащей опровержению.

Мифическое народное творчество сохранилось в письменных документах. Многие тысячи книжечек про Бову Королевича, Полкана Богатыря, Соловья Разбойника, Илью Муромца и других мифических героях, были в свое время основной литературой простого народа, которой он верил, как верил сказкам, басням и притчам различного содержания.

В казачьих хуторах всегда можно было услышать о какомнибудь таинственном явлении, предании или примете, живущих в народе целые поколения. Если я вспоминаю сейчас о мифологических верованиях казаков моего родного хутора, Буерак-Попова, то многие наверно скажут теперь: - Какой был темный народ!

Мне кажется, нужно бы сказать: - Какой сказочно-красивой жизнью он жил!

В начале пятидесятого года я встретил в одном беженском лагере своего станичника и соседа по хутору, казака старика Парамона Синева.

Он прибыл с Дона вместе с отступавшими во вторую великую войну казаками атамана Павлова, побывал в Италии, пережил Лиенц.

- Много горя пришлось хлебнуть за это время, - говорил Парамон. Но такого горя, какое мы видели при большевиках, не приведи Господь и видеть...

Он рассказывал мне, что происходило в его Буерак-Сенюткином хуторе и на нашем Буерак-Поповом.

От него я узнал, что от нашего хутора в 90 дворов осталась половина, столько же и людей. Также и на его хуторе.

У меня щемило сердце и капали слезы, когда Парамон сообщал мне о насильственной смерти моих родственников или других моих хуторян.

- Да, станичник, такой кары Божьей, что переносили мы, казаки, и свет не видел, - заключил Парамон.

В одной из наших бесед я спросил его:

- А не знаешь ли ты, Парамон, стоят ли два вяза около обдонской дороги, между нашим хутором и Затонским? - Спросил я это потому, что с этими вязами связано у казаков обдонских хуторов много легенд.

- И помину нет... Одни пеньки остались, - ответил Парамон.

Я слышал от старых людей своего хутора, что если эти два вяза срубят, или они как-то пропадут, будет для людей большое несчастье.

Я спросил Парамона, было ли такое поверье на их хуторе?

- Как же не быть, было. Об этом говорили на всех наших хуторах.

Высокие, в несколько обхватов толщины, с большим шатром своих ветвей, стояли эти два великана вяза, как часовые среди степи, на краю дороги. Вдали от них блестел на солнце серебристый песок косы, омываемый водами Дона.

В летний зной, сильный грозовой дождь или в зимнюю вьюгу, вязы принимали под свою защиту и людей и животных.

- Хорошо, что прибились к вязам, тогда уж мы знаем, что не сблизимся с дороги, - говорили проезжие, когда зимняя вьюга застигала их в пути. О происхождении и начала возникновения вязов точно никто не знал. На нашем хуторе, самый старейший, девяностолетний казак Осип Кумов, участник покорения Кавказа, рассказывал: - когда он был мальшом, то слышит: - Не рубите эти два вяза, сохраняйте их. Если вязы пропадут, то пропадет и ваш хутор...

Наш хуторянин, старик-рыбак Поликарп Казьмин, знал примету, что если во время разлива Дона вода дойдет до двух вязов, значит будет урожай.

- Как, дядя Поликарп, Дон дошел до вязов? - спрашивали его хуторяне.

- Нынче дошел, и я лодку до вяза привязываю, а вот в прошлом году не дошел, - отвечал рыбак.

- Слава Богу, - крестясь говорили казаки, - будем с хлебом... -

Всегда ли оправдывалась эта примета, или нет, но в нее верили и благодарили вязы, что они "накликали воду". Существовала легенда, что хутор Затонский основали разбойники. Они сперва жили в пещере, на затонском кургане, а потом спустились вниз к Дону и стали жить хутором, возле монастыря.

У вязов они встречали проезжих и грабили их.

Существует предание, что Усть-Медведицкий монастырь, /старый мужской/ посетил Степан Разин. Во время половодья он плыл на челнах со своей дружиной вниз по Дону и остановился около монастыря.

Свой челн он оставил на берегу Дона, а сам отдыхал под дубом, который и поныне стоит под горой, около монастыря.

Часть сторожевых челнов были оставлены на том месте, где теперь стояли два вяза. Когда челны ушли, после них остались на берегу два

кола - причала. Колья пустили корни и от них выросли два вяза. Легенда о том, что Ермак ходил по Дону и сторожил его от недругов, издавна укоренилась в народе. Ермак заходил к этому месту, где теперь были вязы, и тут отдыхал под кустом. Он указал место для вязов и оставил там большой камень.

На хуторах не все верили, что вязы выросли от кольев-причалов дружинников Степана Разина.

Передавались и другие предания, более или менее правдоподобные.

На Хованском хуторе жил старик Анисим, который "все по библии знает", как говорили о нем его хуторяне. Он рассказывал:

- По миру, по монастырям и святым местам ходят странники, люди Божии. Один раз два странника шли по обдонской дороге в монастырь. Дело было в Петровку, в самую жару. Странники сели отдохнуть у дороги, а кругом стоит только один камень, да куст терна.

Один из них пошел в Дон за водой и принес оттуда два маленьких вяза и говорит своему другу:

- и посажу здесь эти два вяза. Они вырастут выше леса дремучего и будут стоять много, много лет, пока не приблизится конец света. В такое повествование старика Анисима верило большинство хуторян. Из поколения в поколение передавалась эта легенда о двух вязах. Их оберегали и не рубили из боязни приближения конца света.

Один раз летом, пастухи нашего хутора пригнали свою атару овец под вязы на отдых.

В дупле одного вяза они увидели икону Божией Матери, перепугались и отогнали овец прочь от вязов.

Вечером они рассказали на хуторе об этом случае. Хуторяне решили, что икона явленная и ее только батюшка с крестным ходом может перенести в церковь.

На другой день хуторской атаман с понятиями стариками пошел к вязам посмотреть явленную икону, но ее там не оказалось.

Пастухов заставили побожиться на икону Спасителя, что они говорили правду, что видели икону в дупле вяза. Пастухи побожились. Чудо с явленной иконой и ее таинственным исчезновением долгое время толковалось в народе на разные лады.

Старики - знахари, что всё по библии знают, объясняли это так:

- Под вязами люди грешат, поэтому Божия Матерь не осталась на грешном месте, а ушла в другое, чистое место. Так и остался неразгаданным случай с явленной иконой.

После этого вокруг вязов создавалось еще больше таинственных явлений. Старуха рассказывала на хуторе:

- Я шла из монастыря и села под вязами отдохнуть. Вдруг слышу в ветках кто-то как загрохочет, зашумит! Я крещусь и бегу прочь....

- Может быть это галки? - заметили старухе.

- Какой там галки: ведьма! - уверяла она.

- Может быть, - согласились некоторые хуторяне.

- У вязов разные чудеса бывает....

Теперь нет больше на казачьих землях народа, называемого простыми казаками, который верил разным легендам, преданиям и приметам.

- Не рубите эти два вяза, сохраняйте их. Если вязы пропадут, то пропадет и ваш хутор... Можно верить или не верить предсказаниям странника, но оно сбылось: пропали вязы, пропал и хутор Буерак-Полов.

И. ТАПИЛИН.

ДНЕВНИК КАЗАКА.

I.

Одна, одна дорога
Мне в жизни суждена,
Изведать горя много
Заставила судьба.

Мой хутор над Аксаем
Котельниковым звать,
Его, я это знаю,
Век буду вспоминать.

Прошло мое все детство
Среди огня войны,
Все делалось бесцельно
Мешались с ночью дни!

Ревел со злобой ветер,
Метелица мела
В кроваво-красном свете
С косой смерть пришла.

Могила за могилой
В родной степи росли,
Жизнь сделалась немилрой
Как будто крест несли.

Дон отбивался долго,
Но таяли ряды
И дух, вдруг, надорвался
Изменой позади.

И в цепи заковали
Привольную страну
Рабы у власти стали
А казаки в плену.

О, Боже, Боже Правый!
Народ весь озверел,
Творил он суд кровавый
И радостно ревел.

Забрали все в станицах
И голод наступил,
Наверно не приснится,
Как враг людей губил.

Страна, страна родная!
Тяжка твоя судьба,
Пошла вся сила злая
В поход против тебя.

II.

Гуляла смерть свирепо
Пришла на Дон вся рвань,
Поехала за хлебом
Моя мать на Кубань.

Остался я с сестренкой,
Глядела тетка нас,
И ниткой белой, тонкой,
Казалось, жизнь рвалась.

Мольбу никто не слышал,
Народ без хлеба пух,
На буферах, на крышах
Стремился он на юг.

На Маньче дорогу
Солдаты стерегли
Обыскивали строго
И брали, что везли.

Все делалось нарочно,
Чтобы сломить народ,
Так повторялось точно
Потом не один год.

Но казаки не сдались,
Протест начал расти,
Отряды создавались
И рыскали в степи.

Советы уступили
Провозгласили Н.Э.П.
Беду скоро забыли
Народ совсем ослеп.

Все, что тогда творилось
Нельзя нам позабыть,
Но сердце в груди билось
И нужно было жить.

Забуть никто не смеет
Весь ужас и надрыв,
Пусть сердце онемее
Обиду затаив.

Мой Край! Мой Край любимый!
Родная сторона,
Ты злым врагом гонимый,
Вся горечь пьешь до дна...

III.

И шли безумья годы,
Ссылали казаков
На смертные работы
В далекий край снегов...

Но удалось уехать,
Покинуть дом родной
И эхо горьким смехом
Тянулось вслед за мной...

Болгарские долины,
София, интернат...
О них еще до ныне
Не больно вспоминать.

Потом все изменилось,
Во Францию попал
И, будто, мне приснилось,
Что душу потерял.

Пошло совсем другое,
Другое в неупад,
Коварное и злое,
Несчастий длинный ряд.
Сначала шло не плохо,
Но кризис наступил,
Беды он очень много
В то время натворил.

Работы стало мало
И стало трудно жить,
Искали где попало,
Чтобы на день добыть.
Теряли люди веру,
Искали Новый Край,
То открывали Перу,
То дикий Парагвай.
А счастье не давалось,
Как раньше не далось,
Но время изменялось,
С годами утряслось.
А дни сменялись днями
И плакала душа,
Что горе вслед за нами
Беду в руках несла.

IV.

Но сердце не смирилось
И таяло в мечтах,
Тогда думая явилось,
Свернуть на Вольный Шлях.
Чужого не желаем,
Нам хватит своего,
Заботу чужих знаем,
Изведали всего.
На свой, на Путь Казачий
Казак ты становись,
Пусть сердце в груди плачет,
Но ты всегда борись.
Борись, за свое право,
За свой несчастный Край,
Горька чужая слава,
О том не забывай.
Ой! Посмотри, что было,
Учти пройденный путь,
Как сердце твое ныло,
Какая была дуть.
Ой! Посмотри и дальше,
Века подряд окинь
И не страдал-ли раньше
За Волк Булавин.
Приняв в Москве расправу,
Нам Разин зовещал:
Создать свою державу
От Дона по Урал.

Ой! Посмотри поближе,
Не стыд-ли и не срам,
Как атаманы лижут
Здесь пятки русакам.
Терпеть нужду, скитанья,
Безмерную тоску,
Все в мире испытанья
Достались казаку.
И жутко, жутко было,
И стыла в жилах кровь,
Но память сохранила
Все, без ненужных слов...

У.

Пришла война другая,
Поднялись казаки
И долг свой исполняя
Пошли на бой полки.
За Край свой униженный,
За угол и порог,
Дух предков возрожденный
Поднял в степи сполох.

Донцы, Кубанцы, Терцы
Шли степи защищать,
Но поздно только немцы
Их стали вооружать.
На свете было чудно,
Нельзя было понять,
Как мир весь безрассудно
Советы стал спасать.

О горе, наше горе
Лихой всегда конец -
В Новороссийске море,
А в Австрии Лиенц.
И выдали бесчестно
Там казаков тогда,
Давно нам всем известно
Какая их судьба.

Так создавалась слава
Коварных англичан:
Везде всегда расправа,
Везде всегда обман.
Они трудились крепко,
Желая торговать,
Но вышло все нелепо
И нечего сказать.

Кто в воду лезет спьяна
Наделает беды,
Тому, кто служит рьяно -
Награды не найти.
Эй, Казаки! Обманом
Старается нас взять,
Что скрыто за дурманом
Должны мы сами знать...

VI.

Как не легко расстаться
С обманом навсегда
И, как может стараться
За нас наша судьба.
Нам казакам известно,
Что получили мы
И право же не лестно
Быть сторожем тюрьмы.
Ты лучше не пытайся
Кому то послужить,
А лучше постарайся
Сам по себе пожить.
Но есть еще такие
На свете казаки,
Что о чужой России
Дурят от тоски.

Болейте-же, болейте
Хозяин вспомнит вас,
Еще и слезы лейте
Всем людям на показ.

За все труды и жертвы
Мы получили мзду,
Наверно даже черти
Подпрыгнули в аду.
Но, если даже жертвы
Не трогают никак,
Тогда для вас, поверьте,
И слова нет - казак.

А нам слепым и грешным
Не нужен чужой дом,
Путем прямым и честным
Мы за свое идем.
Пусть сердце в груди плачет,
Идет за годом год,
Но знай, что Путь Казачий
Свободу принесет.
Нам не забыть былого,
Все страшные года,
Одна, одна дорога
Судьбой суждена.

В КОТОРЫЙ РАЗ.

В который раз весна идет победно,
В который раз кружится голова
И неожиданно и незаметно
Поднялась в поле новая трава.
Цветут деревья ярко и отрадно,
Цветы везде в садах и на полях,
Как это всё знакомо и понятно,
Что забываешь о тяжелых днях.

Труа.

И воробьи, что нас не покидали,
Чирикают от радости весь день,
Они, как люди, ждали и страдали
Между холодных и угрюмых стен.
В который раз весну встречаем снова,
В который раз мы перемены ждем
И пусть прошедшее нам кажется су-
рово,
С надеждой мы в грядущее идем.

М. Гаврилов.

КАЗАКИ В БЕЛОРУССИИ.

/ Воспоминания из беженской эпопеи /

Путь отступления беженцев-казаков в конце второй мировой войны, был тернистый путь. Стояла зима холодная, народ был недостаточно организован. Что называется, в чем были, в том вышли. С детьми, на бричках, без продуктов. Шли разными путями, разрозненно, без определенного маршрута, без руководства. Шли на волю Божию.
Много перестрадали казаки при советской власти и оставаться после немецкого ухода и ожидать возвращения безбожной карательной власти с ее страшным органом НКВД. - никто не желал.
Уходили голодные, раздетые, но... уходили, не оглядываясь назад, на свой истерзаный Край. Любили казаки свою родину, простор и волю, но всё это давно было утрачено.

Любовь к родине это есть высоко патриотическое чувство. Оно развивается с ранних детских лет и укрепляется на основе эмоциональных переживаний под влиянием окружающей среды-природы и общества, со всеми их специфическими особенностями.

Государство незримо воспитывает человека и прививает ему ту, необычайной силы привязанность, которая зовется любовью к родине.

По выражению одного французского писателя, тот, кто не любит своего отечества ВСЕЦЕЛО, СЛЕПО, ДО ГЛУПОСТИ, остается всегда человеком только наполовину. Он прав. Может быть в других странах жизнь более совершенна, но на своей родине все милее, хотя бы и было хуже. И эта подчас, невыносимой силы притягательность делает человека, попавшего в чужую страну, несчастным, парализует его духовно и часто приводит его к самым неожиданным, печальным и непоправимым поступкам. Человек становится, подобно ребенку, разлученному с матерью. Если бы можно было себе представить, что мать тонет или горит в огне, то все равно, ребенок бросился бы к матери. Он с ней - одно целое, его влечение вне рассудка. Это как бы закон природы.

Теперь, когда народ лавиной двинулся из пределов Советского Союза, то едва ли кто чувствовал горечь разлуки с родиной. Родина ими была потеряна почти полвека назад. Хотя люди после революции семнадцатого года и оставались на территории России, но при новом деспотичном режиме они не могли оставаться сынами этого нового государства с его страшной системой угнетения, угнетения всего населения необъятной страны.

В течение долгих лет, люди подвергавшиеся постоянному преследованию, находившиеся в состоянии непрерывного страха, теперь были рады возможности беспрепятственно перешагнуть границу Советского государства.

Ехали колхозники, рабочие, обманутые, измученные. Уходили остатки интеллигенции перемолотые, изувеченные нравственно и физически: в прямом смысле, прошедшие через органы ЧЕКА, НКВД, перенесшие их допросы, ссылки и тюрьмы.

Вследствие всех этих причин вместе взятых, народ покидал подменную родину без чувства сожаления. Даже торопились покинуть ее пределы, и уйти хотя бы в неизвестность.

Однако, бродяжное отступление продолжалось не так уж долго. Одиночные подводы беженцев и небольшие группы постепенно стали примыкать к центру, к казачьему ядру к организованным частям с Походным Атаманом полковником Сергеем Васильевичем Павловым.

Атаман со своим штабом стоял в г. Проскурове и подбирал всех прибывавших несчастных, достаточно растерявшихся в своей неопределенности. С Донцами объединились также Кубанцы и Терцы.

Каждый человек был взят на обеспечение. Все заботы по снабжению продовольствием, фуражем и общему руководству легло на Походного Атамана.

Все ожидали скорейшей отправки за границу. Фронт советский был всегда близко сзади и жизнь беженцев находилась в самом рискованном, опасном положении.

Но, совсем неожиданно было получено распоряжение от Главного Казачьего Управления из Берлина, направить казаков в Западную Белоруссию до окончания войны в район города Новогрудка. Военное командование желало использовать казаков по борьбе с партизанами, которыми

лесистая местность этого участка была наводнена. Казачьим семьям ничего другого не оставалось, как следовать по указанному маршруту. Страшные испытания перенести безоружным семейным беженцам.

Однако почувствовали некоторое облегчение, когда попали на территорию Польского владения. Здесь встречали новые чужие названия городов и сел, новых людей и новый, особый уклад жизни, индивидуальные хозяйства и независимость. Только немецкое нашествие повергало народ в траур. Но уже все видели, что это не на долго.

В городе Сокаль переехали большую реку Буг и держались на польский город Холм. После этого сильно отклонились на восток и вторично пересекли Буг в Бресте. Дальше через Слоним пошли к лагерю Лесное. Лесное это бывший польский военный лагерь. Находился он в лесу, вдали от всяких поселений. В какую бы сторону, не посмотри, кругом только лес.

На огромной площади лагеря находилось большое деревянное здание, куда теперь и поместили семейных беженцев. Остальной народ нашей огромной колонны был размещен в землянках, вырытых глубоко в земле, куда дневной свет совсем мало проникал.

Только наша безвыходность привела нас к этому убежищу. В здании были страшные сквозняки. Стоило открыть комунибудь дверь, как ветер врывался, свистел по всем направлениям и холод пробирал всех находившихся в здании до дрожи.

Спали на полу, прижавшись к своим вещам. Варили на железных печках поочередно. Первую ночь все мертвецки спали, намерзлись, натрапались на повозках. С наступлением утра женщины закопochились около печи. Одни начинали варить, другие кушали, а третьи, уже опустошив свои кастрюльки, готовились снова занять очередь, приставляя котелки и чайники. Кто помоложе, бегали куда-то за водой, отскивали дрова, тащили к печам и тут же рубили. Дверь непрерывно распахивалась. Кого-то вызывали, о чем-то объявляли. Гомон стоял невообразимый целый день.

К вечеру второго дня немного освоились, осмотрелись и сравнительно отогрелись, как можно отогреться зимой в давно брошенных, безжизненных и полуразрушенных строениях.

И вот, вдруг, когда стало темнеть, дверь в барак, где помещались семейные, широко растворилась и гостей ввалилось до отказа.

"Сейчас будут танцы"- объявил кто-то из темноты. Гармонисту дали стул, печки и узлы раздвинули, и, долго не думая, стали отхватывать "польку" в полумраке.

"Господа, свечку дайте"- просил чей-то голос. Да раздвиньтесь немного, круг больше"- настойчиво требовали танцоры.

Казак Внуков уже носится по кругу, крепко обняв за талию свою "даму", притопывая железными подковами на ботинках. Пономаревы заказывают вальс, Попов Иван требует гопака. Гармоника всех удовлетворяет, танцы сменяются. Публика безостановочно кружится, топает ногами. Хорошо сладившиеся пары выбегают на мороз охладиться и... поговорить, мало ли о чем... Потом снова возвращаются и с еще большим энтузиазмом пускаются в пляс.

От табачного дыма и пыли уже трудно дышать. Свечки гаснут, догорают и всем становится невмоготу. Наконец, гармоника обрывает, и все хотя и неохотно, расходятся по "домам".

Как будто странно все это. Но, такова жизнь казака: походы, война, песни, танцы. Этот комплекс веселья и горя всегда уживался в натуре казачьей. Иначе казаку и жить некогда. Сегодня песни, а завтра бой, и может смерть.

Однажды зашел в наше помещение Атаман С.В. Павлов. Он пришел посмотреть обездоленных, отвалившихся на храброе боевое переселение. "Ну, дорогие казачки, обратился он к женщинам, похвалитесь шалями, какие вы получили".

Незадолго до остановки в пути, была роздана одежда беженцам. Женщинам тогда выдали большие платки, которые в лютую зиму очень пригодились.

Тут же обступили Атамана тесным кольцом и долго не выпускали. Сыпали, кто во что горазд - по женски. Его привлекательная внешность и простая душевная речь располагала к искренней беседе.

Однако, недельная стоянка в холодном бараке отразилась на многих. У меня начинался жар, тогда как наступил день отъезда. Лошади были запряжены и надо было усаживаться на открытой повозке при сильном зимнем ветре. Пока мы доехали к ночи до остановки, в селе, меня сняли совсем больной. Утром уже я не могла одеваться и дойти сама до подводы. Муж укладывал меня как багат, в сено, покрывая одеялами и мы трогались дальше. Время от времени он отзывал меня и спрашивал, жива ли я. Проехав день меня заносило снегом, а вечером снимали полуживую и втаскивали в хату. Надо считать чудом Божиим, чтобы человек, заболевший на лютном морозе, выздоровел тоже на таком морозе, не имея к тому никаких предпосылок: ни лечения, никаких других условий, кроме страшной разрушительной зимней стихии.

Теперь мы ехали на Новогрудок Барановического воеводства.

Леса Белоруссии кишели советскими партизанами, терроризирующими местное население. Часто, как голодные шакалы нападали они на проезжающих беженцев. В местах особенно опасных, мужчины вставали с подвод, брали винтовки в руки - на этот случай было дано обозу небольшое вооружение - и шли рядом со своим обозом, готовясь к отражению партизан. Отстать от колонны было рискованно. Если почему либо одна, две подводы запаздывали, задерживались в селе, хотя бы на короткое время и ехали одни, далеко в хвосте колонны, они бывали отрезанными партизанами, выбегавшими из леса. Бандиты грабили их и уводили в лес.

Села, разбросанные в лесной местности, представляли удручающую картину. Бревенчатые сарайные избы, даже совсем почерневшие от времени, вызвали невыразимую тоску. Людей в селах почти не было. Они или ушли с партизанами, или спрятались в лесу. Имущество их было все разграблено. В избах совершенно пусто. Голые столы, деревянные сарайные лавки и грязная ободранная печь.

Редко в каком доме можно встретить обитателей. Чаще оставляли дома или совсем глубокого старика, или мальчишку лет семи, восьми. А на вопрос "где ваши", они, обычно давали неясные уклончивые ответы.

Некоторые села были совсем сожжены партизанами. Телеграфные провода всюду порваны, столбы повалены. Страшно проезжать мимо таких мертвых сел. Если жители не ушли из села, то они были напуганы... Рассказывали, что по ночам приезжали партизаны на подводах и грабили жителей: забирали хлеб, сало, сено. А забрав все, уводили молодых ребят. Кто противился, партизаны убивали.

Расквартировавшись по несколько подвод во двор, мы отдыхаем ночь, иногда больше - день, два, если был большой переход, а потом идем дальше. По ночам патрули охраняли село и беженский табор. Были случаи, когда партизаны по тайной договоренности с хозяевами, подкрадывались и уводили наших людей. А потом, допросивши казнили.

В одной избе, где остановились казаки, дома был только старик - хозяин. Вечером пришли его два сына - оба партизаны. Они предложили казакам - беженцам идти с ними. Когда те отказались, партизаны принесли из чулана винтовки и под угрозой убить на месте, увели двух человек. Так люди и пропали.

Иногда ночью, вдруг поднималась тревога. Мы захватывали в руки узелки и бежали в какое-либо общее убежище, пока ни отражали партизанского набега. Ночью не могли спать спокойно. Не раздевались и всегда были готовы к страшной развязке. Нервное житье совсем истрепало людей.

Партизаны, разбросанные по лесам нападали не только на одиночек-беженцев, отбившущихся подводу от общего обоза, одинокого верхового, а то и мирного пешехода, но иногда соединившись из разрозненных кучек в один общий отряд, делали набеги на мирные станицы. В этих случаях вооруженным полковым частям приходилось выступать на защиту казачьих семей.

Крестьяне-белоруссы, также находясь под постоянным страхом, просили защиты у казаков. Однажды пришли крестьяне к командиру полка и сообщили, что сегодня ночью готовится набег на казаков из леса.

"Спасайте себя и нам помогайте, просили они. Вы не думайте - добавили они - что это просто сорванье. В лесах прячутся большие отряды. У них отчаянные вожаки, имеются радиоприемники и огнестрельное оружие. Выходите на бой, как при настоящей войне."

В эту же ночь полковник Лобасевич с частью казаков выступил на линию охраны, находившуюся в верстах десяти от казачьей станицы.

Угрожающего в первый момент наши ничего не заметили. Подошли к соседнему селу. Село, как село. В хатах огоньки, кое-где собаки лаят. Клыкались мычанье коров. Все говорило о мирной жизни обитателей.

В разведку направились два смелых казака. Они подъехали к избе со светившимися крошечными окошечками и остановились. Один из них спешил и постучал в дверь. Дверь отворилась сама и казак решительно переступил порог. В первой конуле никого не оказалось.

"Хозяева? Кто дома есть?" - спросил он и хотел переступить порог в следующую комнату, но... не удалось. Раздался выстрел и пуля направленная прямо в грудь, свалила бойца.

Все стало понятно. После этого казаки смело вскочили в избу и партизана уложили на месте, хотя он и пытался отстреливаться, но уже нервно, невпопад и безуспешно.

Убитого казака немедленно положили на одну из телег, шедших позади полка для обозных целей, и препроводили в станицу. На этом схватка с партизанами не закончилась. Из каждой избы выбегали вооруженные партизаны и рассыпавшись в цепь, рискнули на открытый бой. Казаки в свою очередь стреляли в противника, не сомневаясь в своем превосходстве и победе.

Стрельба четко доносилась до станицы, до мирной стоянки казаков.

Орудийные снаряды долетали и разрывались около крайних изб. Беженцы не спали. Огней хотя и не закигали, чтобы не обнаружить тревоги, но в действительности тревога нарастала с каждой минутой.

Обозные повозки с ранеными неслись по улицам через село в ближайший санитарный пункт. Ночь была темная. Жадно всматривались в ную темноту на улицу женщины, но увидеть и понять ничего не могли.

Взволнованные жители села, не выдержав бежали на край села к патрулям узнать хоть что-нибудь, но добившись только пинков от дежуривших на посту казаков, возвращались тем же порядком и, пригибаясь к околице, спешили поскорее достичь своих изб.

Были и такие, что несмотря на окружающую панику, спали так крепко, хоть за ноги тащи - не проснется.

Чуть стало светать, все услышали радостные звуки духового оркестра. Выбежали все от мала до стара за околицу своих дворов.

Впереди ехал с победным веселым видом, верхом на красивой лошади, крупный и плотно сложенный полковник Лобасевич со своим полком. Сзади шли подводы с легко ранеными и группа взятых в плен партизанов.

К горю нашему, такие полу военные эпизоды, хотя и со всеми элементами самой жаркой битвы, были не единственными, не последними.

Случались и очень обидные, непоправимые ошибки, когда казаки становились жертвой своей же казачьей пули.

Однажды казак поехал верхом в соседнее село. Но, так как всякая одиночная отлучка была сопряжена с риском, то на обратном пути станичник прищпорил коня, чтобы скорее, засветло добраться до своей станицы.

Кто-то, издали заметил быстро скачущего всадника и крикнул: "Партизаны!" И уж, как говорится, коли быть беде, так ее не минуешь. Досудие подхватили этот панический крик и... понеслось: "Партизаны! Партизаны!"... В это время один из дежуривших при полковнике офицеров, тоже паникер, поспешил отдать команду: "Стреляй!"

Казак не подозревал, что его приняли за партизана, продолжал гнать коня во весь опор. Возможно, он и выпивши был - да простит его Бог, - но как только он поравнялся с селом, меткий стрелок выпустил пулю и свалил всадника на полном, лихом скаку.

Лошадь понеслась дальше, а сраженный казак упал на дорогу, проходившую между лесом и селом.

Не много потребовалось времени, чтобы опознать, что убитый был свой родной казак.

Безвременно погибшего казака похоронили, выбрав для него красивый курган за селом, возвышавшийся над прилегающими окрестностями, где и вправду "сдвинулись дружно и сосны и ели..."

Погода в день похорон выдалась теплая. Природа проводила казака в его последний, мирный и вечный покой во всей богатой ее красоте. Солнце своим огромным круглым диском обогрело под снегом лежащую землю. Лучи солнечные проникали почти в каждый заплесневелый угол села. Это был, может быть, первым днем обещающим скорую весну.

На могиле были отданы все почести брату - казаку, так внезапно покинувшему свою дружную семью.

Сколько могил рассеяно по миру. Сколько казачьих героев сложили свои головы за правду, веру отцов своих и свободу! Вот, где истинная честная борьба за братство и любовь среди народов! Память о доблести казачьей не забудется. И эта кристальная, чистая доблесть жить останется в веках!

БЕСПРИЗОРНИК

/Доля казачьих детей на Дону./

Мы, обреченные на муки,
Чьи годы равны с "Октябрем",
Без матерей, в позитивной разлуке,
Железной поступью идем...

Отца и мать сослали в лагеря.
На произвол судьбы остались дед и я.
От всей родни едва заметен след,
Как в голодовку "дубу дал" мой дед.

И позже в детский дом попал.
Не знаю, кто и как меня отдал.
Не жил я там, а тенью угасал.
Никто из близких не пришел, никто мне не писал.

Я видел сны, тревожно спал
Больной душой, расслабленный вставал.
Тревога, страх, то не земные звуки лир
Мой детский наполняли мир.

То будто мать, склонясь ко мне ласкала
Как раньше то бывало, сказки сочиняла.
То дедушка игрушку для меня строга.
А то отец, из пальцев сделал "КЫЗИ-КЫЗИ", со мной во сне играл.

От коллективных, по указке, игр я убегаю.
И воспитателей всем сердцем презираю.
В моем характере наметились черты:
Кого прибить, отмстить и ловко скрыть следы

И, наконец, зажав в кармане пайку хлеба
Как на часах я продежурил до обеда.
Опросов и контролей избежал
Я со двора привта Сталина бежал.

И приделавшись под вагоны поездов
Я пролетал, не видя станций, городов.
Был и в Столице, на вокзале. Долго быть-то не пришлось.
Мое счастье и несчастье здесь оно сошлось.

От побоев милицейских боль почувствовал в спине
Разгорелись уши, щеки. Твари ползали по мне.
Снова паренька утешивали, снова в спину били
Без согласия опять в дом "для деток" возвратили.

Было лет уже тринадцать, распростился я с детьми.
Снова по миру скитался между разными людьми...
Повстречал друзей подобных, подучился больше врать.
Школу "высшую" прослушал - на базарах воровать.

Ругань матом и язык блатной понял
Соберемся, ну кто лучше - всех я быстро обгонял.
Спать за город уходили, там пристанище у нас.
Кто обрел, кто нож или бритву - каждый прятал про запас.

За проворность и за удаль скоро я достал "награду".
Малолетним есть острог с высочайшею оградой.
Научился мастерству - смастерю любой замок
И за это обещали сократить тюремный срок.

Мне шестнадцать. Год за годом, там и в армию возьмут.
Но ведь я и все другие защищать кого пойдут?!
Мать, отца в тюрьме сгноили, деда - дома уморили.
А невинного младенца "БЕСПРИЗОРНЫМ" по миру пустили!

М. П. Морозова.

ЗАПИСЬ О БЫЛОМ - "КАЗАКИ ЕРМАКОВЫ" - Глава 81.
АНДРЕША. /продолжение/

Получивший общеобразовательную закладку и безупречное знание родного языка в русской гимназии, уже свободно владевший и несколькими другими языками Андрюша старшие классы средней школы закончил во французском лицее. Всесторонне освоившись как с русской, так и с западной культурой, вращавшийся среди людей различных национальностей, он имел представление о правах, укладе обывденной и государственной жизни разных народов и, будучи полиглотом, учился на факультете политических наук, интересуясь государственной экономикой, финансами, дипломатией. "Все это будет нужно на Дону" - делился он своими намерениями с родителями и в "холостецкой обители", где не только часто бывал, но и жила неделями, так как продолжавший свою роль "крестного" Милов и Дмитрий Петрович были его интимными друзьями и, также как и отец, "профессорами по кафедре Доноведения".

Физически уже сформировавшийся Андрюша был выше среднего, немного ниже отца роста, унаследовав от матери выразительные брови и от "бабушки Василевны" отцовы карие глаза. Характером и темной волнистой шевелюрой он напоминал отца Андрея, телосложением походил на деда Андрея Яковлевича. Спортивный, с хорошими манерами воспитанного человека, молодой Ермаков не был красавцем, но вполне beau garçon по выражению французов.

"Ты хоть и имеешь западно-европейский вид, но, кабы тебе прибавить чуб и фуражку на бекрень, был бы типичным казаком" - одобрительно хлопал плечо приятеля по плечу довольный его внешностью Боков. Будучи своим человеком в обществе иностранцев, искренне любивший Францию Андрей считал себя всетаки Донским казаком. Интересуясь историей родного края, читал казачьи периодические издания, нередко посещал станичные собрания, прислушивался ко всему, что говорили старшие; но, ни к какому лагерю казачьего идеологического разнобоя не приближался, оставаясь наблюдателем.

"Все они для меня ничто иное, как школа с живыми практическими уроками. У меня еще сумбур в голове. Зачем же мне к кому-то примыкать? И учусь". Так рассуждал выросший на чужбине донец и старался сам себе дать отчет, анализируя, сравнивая, сопоставляя свои наблюдения.

"Правильно делаешь, сынок. Школяровка во всяком деле нужна. Учись же, родной, готовься к будущему и, усваивая все, могущее быть полезным в жизни, старайся всесторонне познать свой казачий народ. В каждой нынешней идеологической группировке свой смысл, цели, резоны и

стремления к их осуществлению. Разберись в них" - советовал отец. Я уже вижу, что пышные монархисты закоснели, застыли неподвижные. Но, у них можно почерпнуть кое-что полезное, а также и уяснить суть исторических отношений России к Казачеству. У самостийников много правды, искренности, порыва и обостренного национального самосознания, но не меньше и крайностей, запальчивости, почти истерической нетерпимости. На этом они теряют. Их издания слишком рубят с плеча, жестоки и проникнуты жуткой ненавистью к России. А зачем ее культивировать, внедрять, когда при случае самостоятельности Казачьего Края в будущем, с Россией можно и не враждовать, а наладить с ней добрососедские отношения. Та же, например, Болгария мало-ли вытерпела, выстрадала от турок, будучи так долго под их игом, а теперь с ними по хорошему, как достойно оберегающая свою державность свободная страна. Когда-то бывшая колониальной Южная Америка относится к своим старым господам с человеческой корректностью, а Испанию в некоторых тамошних республиках даже называют Madre Patria" - "Patria понимаю, а что значит Madre не знаю" прервал сына внимательно слушавший отец.

"На испанском языке Madre значит мать" - объяснил Андрюша и продолжал: "Не мало и других примеров. На добрососедских отношениях зиждится государственная мудрость. Я лично против возвращения ненависти одним народам к другим". "Согласен с тобой. Ненависть плохой советник". - Теперь дальше. Если Россия со своими территориями окажется в будущем федеративной, пусть даже с монархом во главе, но федерацией по структуре, то опять-таки, и к этому тоже надо быть готовым, так как не знаем, что будет завтра. На федеративных началах также можно организовать жизнь без ненависти. Мало-ли примеров мирного сосуществования двух и больше народностей. Чехословакия, скажем, с ее Моравками, Словаками, Чехами. "Темна вода во облацех" относительно Казачьего будущего. О ней надо думать, готовиться сознательно, взвешивая все возможности, но не ломать сейчас копья из-за деталей, а необходимо прежде всего позаботиться о главнейшем: - сберечь наше казачье бытие, нашу веками скрепленную спайку. Мы же, наоборот, распрями себе могилу роem. Неделимцы, самостийники, федералисты роковой остроугольный треугольник, углы которого безудержно заостряются, будто хотят разлететься враспылу и тем положить конец Казачеству. С ужасом наблюдая грозный, на политической почве, раскол, вполне разделяю, папа, твою и других самоотверженных станичников разумную идею этой губительной центробежной силе противопоставить, как сцепляющее начало силу собирательную - центростремительную. Эту мысль ты и мне внушаешь, хотя могу предполагать, что в глубине души, можешь сочувствовать какой либо одной из этих трех идеологий. Но, с целью казачьего единения, иначе говоря, во имя спасения казачества, ради общего ты способен жертвенно поступиться личными склонностями. Поэтому и только поэтому ты мой родной отец, даже мне кровному сыну не навязываешь твоих политических идей определенной тенденции, а стараешься пособлять, объяснять, в чем состоит политическая окраска каждого течения, дабы я шел не на поводу, не с подсказками, а самостоятельно и глубоко сознательно по прямому пути, не спотыкаясь, зная все подводные камни". - Говоривший Андрюша приостановился будто что-то припоминая. Отец терпеливо ждал молча. Увлеченный разговором, вноша с тяжелым вздохом добавил: "Нельзя закрывать глаза на то обстоятельство, что в нынешнем казачьем треугольном разделении появляются еще и более дробные подразделения."

Знаю некоторых хлопцев, ярких самостийников, враждующих со своими отцами... тоже самостийниками. Они отделились от них, не доверяют и их к старым не заманишь"... - "К сожалению, многие старшие эмигранты измельчались в непродуктивных спорах или погрязли в заботах обывденщины; никакая ответственность их не интересует и от них пользы никакой" - со скорбью присоединил Алексей Андреевич.

- По неволе, папа, появится безнадежность, глядя на эмиграцию, на которую, кажется не приходится рассчитывать. Слышно, что дома казаки духовно сохранились. Но их ведь расплыли, поразбросали по разным углам безкрайней России, а на их место поселили пришельцев. По слухам, на Дону казаков мало, очень мало осталось. Надо с большой тревогой констатировать, что все обстоятельства и здесь, в изгнании, и на родине, заставляют отчаиваться в смысле возможности опереться на казачий монолит. Где он? Где? Если большевики сгинут, то тогда пойдешь, собери по белу свету станичников в одну кучу. С каждым годом при этом, казаков становится все меньше. Одни умирают, другие размениваются, иные превращаются в иностранцев. Рассасываясь, казачество катастрофически редеет и надо ожидать, что с годами, у нас как бы не оказалось безлюдья. Оставшимся последним могиканам своей малочисленностью не создать тогда казачьей республики; как "прикажут долго жить" так называемые "русские казаки" со своим неделимством и федерацией. Всем крышка...

Поэтому надо спешно, безотлагательно всеми мерами спасти от гибели казачий народ, а не заниматься партийной грызней! В С.С.С.Р. разные тунгузы, черемисы, башкиры, туркмены и прочие мелкие племена признаны, как республики, а казачьего народа там не существует.

В русской эмиграции нас тоже не считают за отдельный народ. Мы висим в воздухе, со всех сторон игнорируемые и не имеем ни средств, ни авторитета убедить мир в нашем историческом существовании. - За что такая доля? В чем и перед кем мы виноваты? Со стоном воскликнул Андрюша. - Мы живы, мы же люди, а за таковых нас никто не считает!..

- Трудно, сынок, завоевать международное признание. Нужны тщательные усилия, чтобы втолковать, что мы народ, а не губерния, населенная казачьим сословием. А много ли казаков работают в этом направлении? Ум - м! Лишь единицы, отдельные, слабосильные песчинки, к которым несогласные во мнении станичники не только относятся враждебно, но и всеми способами вставляют палки в колеса, разрушая их сизифов труд. Исторические работы пытаются дискредитировать одним за то, что автор самостийник, например; если же чтонибудь веское написал федералист, уж не говоря о монархисте, против него поднимают голос самостийники. В результате исторические труды, даже нейтральные по содержанию повести из казачьего быта и простые рассказы о прошлом, изданные другой партией, противниками не читаются, зачастую опротестовываются и тем обезцеливаются, испепеляются. Все это вместо того, чтобы поощрять, давать кураж пишущим на казачьи общие всем родные темы. Поэтому, папа, такие как мои сверстники, отмахиваются ото всех дряг и большинство из них избегают говорить на языке родителей, которым не владеют даже и в пределах простой разговорной речи; о том-же, чтобы читать, а тем более писать - и не спрашивают. Вот, хотя бы мой соперник, спортсмен и страстный коллекционер Виктор Кривов, с позволения сказать, казак. Ему интересно обмениваться со мной почтовыми марками, чем потолковать о казачьих делах, которые для него пустое место!

В подтверждение слов Андрюши представился неожиданный маленький случай. Будучи тоже немного филателистом, Андрей попросил Виктора снабдить его южно-американскими марками. Тот принес ему несколько штук не отлепленных, вместе с полученным его отцом из Бразилии конвертом. Положенный на стол конверт увидел Алексей Андреевич и прочитав адрес отправителя ахнул: - А, Минаев! Не Аркадий ли? Неужели он? Мой полковой друг. Буфетчик Аркадий Митрофанович. Надо проверить, этот "А. Минаев" не в самом деле тот, ставший после нашей разлуки артиллерийским офицером. И живо заинтересовавшийся Ермаков написал незнакомому ему господину Кривову, запрашивая о Минаеве. Тот ответил быстро и утвердительно. "Совершенно верно. Это инженер Аркадий М. Минаев. Он служит на холодильнике в Бразилии, куда перекочевал в первый же год по эвакуации и там скоро похоронил свою жену. Она была из Усть-Медведовской. Умерла бедняжка за океаном, оставив ему малютку доченьку, которая теперь уже большая и собиралась, а сейчас, возможно, даже и вышла замуж. Сам Аркадий вскоре после смерти супруги женился во второй раз на одной волынке, попавшей в Бразилию ребенком, и с ней имеет двух мальчиков. Пересылаю Вам для прочтения полученное мною 5 месяцев тому назад письмо Аркадия Митрофановича, которое расскажет о его нынешней жизни". С лихорадочным интересом Ермаков погрузился в чтение строк Минаева, собираясь немедленно ему черкнуть. - "Столько лет, как потерял его из вида, надо мне не откладывая, связаться с дорогой родной душой. Сейчас-же ему напишу". Но по мере чтения, Алексей Андреевич охладевал, разочарованный содержанием не длинного послания.

Инженер писал: "как камень мохом, обрастая, уже оброс тут; обрастился совершенно, так как своих никого не вижу, да, признаться, особенно-то и не жажду, чувствуя что от них оторвался бесповоротно и навсегда. Прежнего не вернуть. Если даже и случится, что красные упадут то, на Дон, конечно-же и не подумаю возвращаться. У меня там никого и ничего не осталось. Мои дети по русски не знают, а жена понимает лишь: "как поживаете". Поэтому в семье говорим на португальском. Не удивляйтесь, если в письме делаю ошибки. Язык забывается вместе с прошлым, о котором не с кем вспомнить, да и не зачем. Сами понимаете, что стремиться на Дон мне не приходится. На каком основании потяну я туда моих детей, любящих свою родину, Бразильянец! Лишь потому, что их папаша там родился, - это не основание. Да, и жена тоже о каком-то чужом ей казачьем крае понятия не имеет".

Уф-ф! Вот так родная душа... Не буду писать. Не о чем. Чужой мне этот человек. Бог с ним в его Бразилии! - Гневно отодвинул от себя Ермаков написанное бывшим другом, и тяжело, с надрывом вздохнул:

- Потерян еще один казак..."

- Вот, папа, видишь! Ушел от Казачества сознательный интеллигентный человек, а что-же простые люди!.." Возразил по поводу письма Андрюша.

- Не говори так, сынок. Менее корыстные по отношению к земным благам простонародье нередко безотрывно на век хранит в себе глубокие живительные родные корни, неискушенные мудростованиями интеллигентов. Интеллигенция, похожая, денационализируется быстрее, потому что она гибче и легче приспособляется ко всему иностранному.

- Казалось-бы, именно она то, сознательная, должна бы быть стойким элементом, как бы столпом. Кстати, скажу тебе папа, - от одного приятеля из москвичей, казачья интеллигенция по степени культуры

ниже русских интеллигентов. Я поставлен в тупик и хотел бы послушать, что скажешь ты по этому поводу!.

По лицу Алексея Андреевича пробежала тень возмущения и он с иронией спросил сына: - "Только-ли это говорят, зело просвещенные родители твоего сверстника? Возможно, они утверждают и то, что казак, известно "хамское воспитание", как это слышала твоя оскорбившаяся на парохде мать, едучи с тобой из Новороссийска на Принцевы острова".

- Какой же гордый тон, не знаю на чем основанного превосходства у русских по отношению к казакам! - с жаром воскликнул Андрюша.

- Так я тебе объясню исходную точку этого порочного явления. - Знай дорогой, что по губерниям в средних школах подавляющее большинство учащихся было не из сермяжных серых лапотников, а сынки адвокатов, педагогов, помещиков, инженеров, офицеров. У них, по воспитанию, имела определенная лакированность в манерах и привычка вращаться в рафинированном обществе. Отсюда и впечатление об их культурности. У казачков-же гимназии, семинарии, реальные училища были полны детьми простонародья, хлебопашцев хуторян, в поте лица тянувших "вывести сына в люди. Усвоившие алгебру, тригонометрию, космографию, историю литературы и прочие предметы программы, эти вышедшие "из под плуга" ученики из запунчиков на каникулах не разъезжали с папашами по фешенебельным курортам, а вместе с простолюдином-родителем косили и молотили, мазоли набивали. Подобным будущим интеллигентам не велялось вивать светские манеры, изысканность. Входивший в благовоспитанное общество какойнибудь хуторянин из Усть-Медведовской, Урлупинской, Нижне-Чирской реалки должен был сам шлифоваться, присматриваться, приучаться, усваивая навык наравне с другими корректно, достойно держаться в культурной среде, дабы не оказаться простофилей, угловатым лешов. В то время, как сынок помещика или прокурора был на людях, как рыба в воде, в своем интеллигентском окружении с детства".

- Понимаю, папа, что ты хочешь сказать. Среди ребят не трудно отличить тонно воспитанного барчука от сына, выросшего у стирального чана прачки. В смысле же образования, сидящие в одном классе эти два мальчика на одинаковом уровне, одинаково изучают одни и те же дисциплины. Но, в одном, благодаря изысканному воспитанию, есть наружный блеск, некоторого рода внешне показной ореол аристократичности. Все-же не в этом заключается степень интеллигентности. Хорошее воспитание облагораживает, конечно. Тем не менее, карабкающемуся из низов выбиться на лучшую дорогу ученику, не привитую с детства элегантность нельзя ставить в уничтожающий минус!

- И вот, родителями многих таких, как твой москвич, вышедшему из народа казачьему интеллигенту ставится как раз в минус. Точно их шокирует то обстоятельство, что он стал на одну ногу с русскими "потомственными" интеллигентами. Да, простонародье прогрессирует, выбивается на культурную дорогу, в то время, как великорусское остается темным людом. Мы идем вперед вопреки стародавней тенденции вершителей судеб держать казаков в черном теле. Ведь до последней четверти прошлого века великодержавное правительство неохотно соглашалось открывать у нас средние школы. Такой высокий вельможа, как Святополк-Мирский, кажется, открыто заявлял: - "Казакам - ремесленные училища, а не гимназии". Но несмотря на всеисильные рогатки, Донцы добились своего. Гимназии и реальные училища по станицам получили, а в первое десятилетие нынешнего 20-го века, после многих, долгих ходатайств и

хлопот открылся Донской Политехнический Институт; вслед за ним и высшие женские курсы. Таким образом, окончившие средние учебные заведения в окружных станицах, молодые казаки начали получать высшее образование тоже у себя дома, не нуждаясь больше в столичных и больших городах России; приобретали дипломы ученых степеней в Новочеркасске. Сколько-же стоило Дону отвоевать дорогу к просвещению! "

- "Все глубже знакомясь с историей Донского Края, мне яснее становится многое, и я все больше осознаю подробности казачьей в течение веков жизни. А сколько деталей мне придется еще откапывать впереди!

- Докапывайся-же, сынок. Учись! Пригодится!

- Ах, папа! Дал-бы Господь!.. - Не ясным тоном, то-ли окрыляющего оптимизма, то-ли гнетущего отчаяния, закончил Андрюша затянувшуюся беседу с отцом.

П.А. Соколова.

КАЗАКИ ЕРМАКОВЫ.

ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ.

Андрей Ермаков только что сдал последние на факультете экзамены, когда грянула Вторая Мировая война. Некоторые его сверстники эмигранты, призванные в Армию, натурализованные французы, одни завидуя, другие подкалывая, ему намекали:

- Ты выгадал, оставшись апатридом. Мы уходим, а ты, иностранец, за нашими спинами будешь спокойно разгуливать по парижским бульварам.

- Неизвестно!.. С загадочной улыбкой отвечал им Андрюша, по объявлении мобилизации добровольно записавшийся переводчиком и состоявший на учете в Министерстве.

- Вырастившая меня Франция, моя приемная мать. Как любящий ее признательный иностранец, я обязан отдать ей свой долг, - объяснял он родителям свое желание быть полезным в постигшем всех несчастье.

"Бог знает, куда меня пошлют. Переводчики нужны не только в сношениях с союзниками; может придется сталкиваться и с врагами!

- А на принятии подданства начальство не настаивает? - с нескрываемым интересом осторожно спросил Дмитрий Петрович.

- Натурализация добровольная вещь, дело совести и личных соображений каждого. О требовании не может быть речи. Стать законно усыновленными гражданами Франции соответствует осевшим тут навсегда иностранцам, Для тех же, кто духовно не оторвался от своей родины и в любой день готов возвратиться в объятия отчизны, вопрос о натурализации сам собой отпадает. К представляющейся мне почти мифической дорогой сердцу Донщине, как к обетованной земле, меня безудержно влечет сыновняя любовь со дня рождения роковыми обстоятельствами оторванного от груди матери младенца. Я горю мистической святой любовью к своему Донскому Краю, зная его, как знает родительницу по фотографиям и рассказам воспитанный добрыми людьми сирота. К Франции я привязан, как к возлюбленной. Но, из моего сердца не вырвать неискоренимых кровных чувств к Донской Родине. Бог знает, что сулит начавшаяся война. Мой долг идти. И я иду".

Быстро вошедший в функции переводчика Андрей, как предсказывал "Бог знает, куда меня пошлют", за время войны побывал во многих местах, но где именно, родители точно не знали, хотя его письма получали

исправно.

Война всколыхнула засидевшуюся на чужбине чайвную "движения вонды" эмиграцию, уповавшую на возможность падения коммунистической власти.

- Ненавидящий ее угнетенный народ воспользуется полученным оружием и свергнет ненавистный режим." - Воображалось им.

По мере же продвижения немцев вглубь России, в эмиграции образовалось два лагеря: одни надеялись, что Германия освободит от красного ига родину и поставит русскую власть, - кое кто полагал, что "даже возможно и царя". Другие определенно сочувствовали большевикам, считая их защитниками русских интересов, делали сборы теплых вещей для отсылки на распределительные пункты в СССР. и напевали патриотические советские песни.

Случилось Ермаковой по поручению хозяйки магазина, на который она вышивала поехать к одной бельевщице, Елене Гавриловне и увидела у нее сложенную пачками для отправки в Россию пожертвованную соотечественниками одежду.

- Не найдется-ли у вас чтонибудь тепленькое? На родине все пригодится.

- Нет, не имею ничего, - лаконически ответила Лидия Андреевна.

- Тогда я вам шерсти дам. Что желаете связать: чулки, фуфайку, детский костюмчик?

- Мы шлем посылки своим нуждающимся родным. И для них вяжу.

- Плохая же вы патриотка, коли только о родственниках заботитесь. Ведь весь русский народ страдает от проклятой войны!

- Да еще как страдает, распинается до изнеможения на благо коммунистического строя. Но, увы! Ни одна чистящая хлев свинарка, ни подтыканная доярка в коровнике не получит вот этого, например, хорошо сделанного костюма, или вон того синего платья с красивыми рукавами или ту юбку. В них обрядятся алчно жаждущие иметь заграничные наряды жены всяких комиссаров, завов, предов, руков. Власть имущие, они, конечно, тоже русский народ, как и забитые колхозники, но, между ними, вы не станете оспаривать, - большая разница!

Елена Гавриловна промолчала и, разворачивая присланные хозяйкой кружева и шелк, в пику посетительнице, начала мурлыкать "широка страна моя родная".

Поняв, что пение было демонстративным, Лидия Андреевна возразила:

- Была широка, да сузили. Мыслимое-ли дело, до куда немцев впустили! Для спасения от них нужна Жанна д'Арк, а у России ее нет!

Вертевшийся около, пятилетний сынница Елены Гавриловны вмешался и, вместо молчавшей матери ответил:

- Зато у русских Тимошенко есть!

Ермакова опешила от меткой детской реплики: "как же он нашпигован!" Удивлялась она, с любопытством рассматривая маленького находчивого острошлова.

Гремевший в то время Тимошенко был столь популярен за границей, что его именем был назван даже модный коктейль.

- Молодец Виталик! - восхитилась мать. - У России, кроме прославленного маршала Тимошенко, есть много и других гениальных полководцев. Они победят!

Поощренный мальчонка разошелся больше, заявив: - "Немцев, русские нарочно заманивают, чтобы легче разгромить. Когда они их уничтожат, мы поедем в Россию."

- К большевикам?.. - Вопросаще взглянула Ермакова на Елену Гавриловну.

- Не к большевикам, конечно, а к русскому народу. При чем власть? Когда мы хотим воспитать ребенка русским патриотом, а не французом!

- Тогда, почему вы ушли за границу, а не остались дома?

- Привез меня сюда четырнадцатилетней девочкой, спасавший свою жизнь генерал отец. Ясно вам теперь?

- Еще-бы не было ясно, когда я в Константинополе насмотрелась на таких спасавших драгоценную жизнь генералов, бросивших своих воинов на съедение врагу!

Подобные, выдвинутые ходом войны темы, дебат руясь на разные лады, трактовались эмигрантами при встречах, по выходе после обедни из церкви, на заводах, в гостях, всюду. Занимавшие все больше российские пространства напиравшие немцы увеличивали эмоции и желание поговорить среди выходцев из России.

Живший у пригревшего его Милова помогавший инженеру в кабинетной работе и выполнявший поручения по делам построек, Боков, получая от него жалование, за эти годы сколотил уже небольшую экономию и был всем доволен. Богатевший Василий Петрович имел хороший автомобиль и за городом землю с фруктовым садом; строить-же дом пока не думал. Мирная жизнь двух друзей текла безоблачно, заполненная ежедневными заботами. К ним частенько заглядывал Кумов и они все вместе бывали у грустивших без Андрюши Ермаковых. Собиравшиеся домашним кружком станичники, в связи с войной, тоже вели соответствующие беседы:

- Этак немцы могут дойти и до Дона!

- Катятся вперед быстро и население принимает их, как избавителей от коммунистической власти. Во всех синаема, среди актвалите, показывают деревенских баб, в слезах радости, с иконами выходящие встречать вступающих в их села германские части.

- А красные сдаются немцам пачками, переходят к ним целыми полками, лишь бы уйти от большевиков.

- Многие из них вливаются в немецкую армию и воюют против Сталина.

- Как и немалое количество эмигрантов тоже.

- Тяжело, конечно, одевать нацистскую форму, но что делать... По пословице: нужда заставит и сопливого целовать. Важно от Германии получить оружие и сбросить красных. Цель оправдывает средства.

- Если с немцами есть эмигранты, то они могут попасть и на Дон. Соблазнительно! При моем отрицательном отношении к свастике, я не прочь воспользоваться случаем и не то с Германией, а хоть с чертом, готов ринуться против коммунистической нечисти, - с лихорадочным загоревшимся огнем в печальных глазах страстно воскликнул Боков. - Пора мне поразведать пути и начать пробиваться на Восток.

- А я без тебя, "чиновника особых поручений", моей правой руки, как же останусь? - с видом захваченного прасплох, высказанным решением Дмитрия Петровича, спросил Милов.

- Что? Не хочешь разве ко мне присоединиться?

- У меня-же казенные подряды! Да, и с нацистами все-таки претит. А главный вопрос в том, можно ли им доверять! Коварные, вероломные они, вместо освобождения, не несут-ли еще большее закабеленье со

своим "дранк нах Остен", - сомневался инженер.

- Это, надо полагать, выяснится. Увидим!

Действительно, выясняться начало быстро. Не замедлили появиться подтверждавшие эти опасения сведения об истинных захватнических намерениях немцев, об ужасном обращении с русскими пленными и о недоверии к добровольно вступившим в ряды их армии, антикоммунистам. Как иллюстрацию этих слухов, Дмитрий Петрович получил из Чехии, присланное его однокашником по Донскому Кадетскому Корпусу врачом чехословацкой формации Заткиным письмо. Доктор писал: - "Движимый желанием побывать на родной Донщине, написал прошение в немецкое командование принять меня на соответствующее моей профессии пост, поставив условие быть препровожденным на Дон и никуда больше.. Но получил ответ, что выбор места не моя забота, а куда пошлют, туда и должен буду отправиться. Такого условия я, конечно, не принял: отказался.

А еще поведаю тебе, друже, одну вещь, в которой разберись сам. Ты помнишь, конечно,, имеющего в Германии сестру станичника К.И.П. Догадываешься, о ком говорю. И вспомнишь, что на Родине у него остался с родителями меньшой братишка Григорий. Теперь К.И.П. получил от сестры письмо с приглашением приехать и в нем, как-бы между прочим, приписка: "Гриша приехал сюда".

После долго длившихся хлопот о пропуске, брат поехал, но с Гришей не встретился, и лишь по рассказам сестры узнал его эпосею. Из советской армии Григорий попал в Германию и томился в лагере за прополокой. Кормили какой-то бурдой так плохо, что люди были как тени, до нельзя истощенные, никуда негодные, едва влачившие ноги. Ходят слухи, что не говоря уж о кошмарных условиях страдальческого существования, пленных просто на просто, нарочно обрекают на измор. А они-то бедняки думали... сдаваясь в плен, надеялись... Ты понимаешь! В один прекрасный день, поставя лагерников в шеренги, начальство им объявило: - "Кто из вас казаки, выходи вперед!" Вышел и Григорий. Собранных в кучу казаков, недели три хорошо кормили. Когда же они подъели и набрались сил, их соединили в отряд и, не спрашивая, согласен или нет, послали на фронт воевать против русских, зная, что казаки для коммунистов вредный народ. С тех пор от Гриши не пришло ни одного письма. Но, слухом земля полнится. Сестра узнала, что в бою ее брата захватили красные и прикончили, как изменника. Не его одного...

Кроме этого, в ответ на твой запрос, могу сообщить, что казаков, будь они из советских пленных или из эмиграции, немцы вообще на Родину не пускают. Это знай! Запей водичкой и сиди в Париже, не рыпайся.

Это посланье шлю тебе из одного местечка, где не живу. Так надо. С сердечным приветом твой Н.М.З."

Прочитавший письмо Боков в отчаянии воскликнул: -"Боже, Боже! Извечная казачья доля между молотом и наковальней"...

Уже недели три, как Андрюша не присылал писем.

- Что такое? Не произошло-ли с ним какое несчастье... Долго-ли до беды! Война... шальная пуля... осколок снаряда... - сокрушался отец.

- Не волнуйся, Алешенька! Это не в первый раз. Возможно, его опять послали сопроводить какую шишку в Англию или еще куда-то. Надо терпеливо ждать. Завтра может прийти письмо и адрес. А сейчас, по уговору, мы не должны ему писать, так как не знаем куда. Терпенье! Поезжай себе спокойно, да шарфиком закутайся, хорошенько. Не простудился

бы в такой серый, неприветливый день! - После утреннего завтрака провозвала мужа на работу Лидия Андреевна.

Часа-же через два к ней явился полицейский и подал бумагу: "Шофёр Ермаков Алексей, привез клиента в пригород /0, совпадение: как раз туда, где была "дача" Сиверсов!/, не выходя из машины, скоропостижно скончался. Сообщить семье".

Пораженная роковой вестью, Лидия Андреевна вконец растерялась и, обливаясь слезами, металась, как безумная, не в состоянии самостоятельно одеть пальто.

- Еду, еду... - Захлебываясь, повторяла она сочувственно смотревшему на нее квартальному.

- Нет-ли у вас, мадам, кого близких? Надо-бы известить, чтобы они вас ассистировали! - участливо спросил полицейский.

- Нет! У нас единственный сын на фронте.

- Припомните хорошенько. Я сейчас же их вызову.

- Ах, да... Я забыла. Пожалуйста позвоните инженеру Милову. Не могу вспомнить его номера. С ним живет и москё Боков. Скажите им...

- Все сделаю, не волнуйтесь, мадам. - Старался успокоить потерявшую самообладание вдову, записавший фамилию Милова, блестящий порядка. И заботливо посадив ее в такси, порекомендовал:

- Поезжайте, мадам, прямо в полицию. Туда-же приедут и ваши друзья. Главное не теряйтесь. Курах!"

Бедная Лидия Андреевна была так убита, что ничего не соображала, поняв в комиссариате лишь то, что от нее добивались где она намерена похоронить умершего. И, кое как собравшись с рассыпавшимися мыслями, ответила рыдая:

- Здесь, в этом пригороде. Судьбе было угодно тут отнять у меня мужа, указав место его вечного покоя.

Уже разошлись уехавшие вместе с катафалком служащие похоронного бюро и отбыл, после назидания быть стойкой, спешивший батюшка, а на опустевшем кладбище все еще стояли у свежего могильного холмика три опечаленные, тесно ставшиеся фигуры.

- Андрюшенька, Ондрик дорогой!.. Ушел от нас папа... А ты, мой осиротевший сын, и не знаешь... Я одна, одна, одна... Ах, Андрюшочек! Продай мой Алешенька!.. Осталась я одна... Рекой лила слезы Лидия Андреевна.

- Не одна. Я с вами, дорогой детский друг. Я с вами. Клянусь! - Не отрываясь от ее воротника, прятал мокрое лицо Боков, уверяя:

- "Алеша для меня, что брат. Клянусь, я с вами. Наше общее горе..."

Поддерживающий ее с другого бока, старавшийся сдерживать нервы Милов, лепетал: - "Не отчаивайтесь Не бойтесь, опирайтесь, опирайтесь на меня. Я тоже с вами и перед могилой обещаю оберегать вас, быть верным до конца!

Но, Лидия Андреевна ничего не слышала, не видела, не переставая взывать: - "Андрюша! Ушел, ушел папа... Оставил нас сиротами... А ты, жив-ли, сыночек?..."

На настойчивое желание Ермаковой обязательно, всенепременно посадить на могиле калину, услужливый Милов с готовностью взял на себя эту миссию.

- Пуская на кургане, калина родная растет и красуется в ярких цветах, - благоговейно, как молитву, шептала Лидия Андреевна, вторя проносившемуся в мозгу отчетливому видению прошлого о решившей ее

судьбу заветной встрече с милым, теперь уже сложившим на чужбине далекой свои казачьи косточки, Алешей. - Калина, калина родная... То было вещее предсказанье...

Несмотря на упорные хлопоты Василия Петровича, муниципалитет города категорически запретил сажать калину на тесном кладбище.

- Слишком раскидистое растение. Не можем разрешить. Что же быть другое, маленькое, не выходящее за пределы гробницы, но не малява!

- Даже этого посмертного удовлетворения лишает казака чужбина..., стонала растерзанная горем вдова.

Для ее утешения Милов предложил в память усопшего посадить калину на его загородном участке.

- Единственный выход. Символический "Алешин куст" будет красоваться у нас на глазах. Все будем за ним ухаживать, поливать, тем более, что постройка дома на этой неделе начнется.

Пока в Париже оплакивали покойного Ермакова, немцы уже дошли и до Дона. Там перед казаками выросла дилемма:

- К кому клониться? Защищать гнущих казачество в три погибели красных? Нет! Надо воспользоваться случаем и освободиться от них. Но, и с немцами идти... А другого выхода нет. Придется за них держаться. Авось, казачье дело сделаем. Опять-же эмигранты из-за границы помогут. Придут!

Но, увы. Как писал Бокову из Чехии доктор. Казаков с Запада немцы действительно на Дон не пускали. Эмигранты-же не спали; но, единственное, что могли сделать, это трудными сложными путями ухитрились пересылать туда выходившую за границей казачью прессу. Она дала подъем духа, идейную поддержку, толчек. Узнав по ней, что на чужбине, станичники шевелятся, казаки на Дону воспрянули и с загоревшимся энтузиазмом, полные великих упований, стали гуртоваться против красных, поставив Павлова Походным Атаманом.

К тому времени постепенно выяснялось, что немцы обманули упования встречавшего их с иконами населения, оказавшись не освободителями, а оккупантами, с каждым днем все откровеннее зарекомендовавшими себя настоящими поработителями. В занятых областях земли русской не церемонились с населением, укрепляли свой нацистский авторитет и об установлении местной власти и не помышляли. Кроме того, подливая масла в огонь русского недовольства, от попавших в плен просачивались душераздирающие вести о бесчеловечном с ними обращении в Германии. Через это свое поведение, немцы и поскользнулись. Своей железной пятой растоптав собственные военные успехи.

А Сталин не дремал. Учтя ситуацию, пообещал в будущем дать послабления народу и, кликнув разжигающий дух патриотизма клич: "Страна в опасности!" объявил войну отечественной.

Все эти вместе взятые обстоятельства сыграли решающую роль, сделав то, что зарвавшихся нацистов дружно Народным Ополчением принялись быстрым темпом изгонять вон из России.

Бельевщица Елена Гавриловна ликовала. Восхищался успехами русских и Кумов.

- Идут победным триумфальным маршем по тем местам, где мы в Первую войну гнили в окопах и отступали.

"В холостецкой обители", с тревогой наблюдая размах мощи коммунистов, Денису Ефимовичу не сочувствовали и он перестал бывать там.

- Черт с ней, с этой и в самом деле прогнившей эмиграцией! - Так

резюмировал Кумов свой разрыв со станичниками.

На Дону поднявшим голос против коммунистов казакам не было другого выхода, как в смятении уходить, убежать "куда глаза глядят" от взявших верх красных, отступая вслед за катившимися обратно на Запад немцами. И вот, опять, как двадцать с лишним лет тому назад в гражданскую войну, двинулись Донцы в неизвестный путь обозами в кибитках, верхом, пешком, кому как пришлось. Шли великим исходом не в определенное место, не в какую-либо Обетованную Землю, а не зная куда, вперед, в пространство...

Красные гнали сзади, настигая. Много, много, очень много погибло в тяжелом, чрезвычайно далеком походе. И никакой манны небесной им не падало на стучавшие от голода зубы. Оборвавшиеся, истоптавшие обувь, с обмотанными в тряпки израненными в бесконечном пути ногами, холодные, ночуя под открытым небом на снегу, падавшие от истощения люди шли и шли, плелись гигантским табором. И, когда докатились до Австрии, между совзниками и раздавленными ими врагами военные действия были прекращены.

Там, в живописных Тирольских местах и осели, соединенные с бежавшими из Чехословакии, Польши, Югославии, эмигрантами, размещенные по беженским лагерям в опустевших после распущенных по домам солдат, казармах. Все потерявшие, бездомные, обездоленные, без права передвижения на полуголодном пайке, официально названные "Перемещенными Персонами", короче "Ди Пи".

В это время в Австрийский район был прикомандирован в Учреждение по опеке беженцев переводчик Андрей Ермаков.

П. А. Соколова.

КАК МЫ ЖИЛИ НА ДОНУ.

Часто слышать нам пришлось
Где и как кому жилось.
И выходит, что была
Жизнь повсюду тяжела.
О хорошей лишь мечтали
И с восторгом все читали
Сказки, как жилось не плохо
В царстве у царя Гороха.
Уж не знаю в кои веки
Там текли молочны реки
Сквозь кисельны берега
Словом жизнь была легка.
А же сказкой не грешу
Я лишь просто опишу
Правду истину одну,
Как мы жили на Дону.
Это вроде сказки тоже,
Все мы были помоложе
В те благие времена.
Как теперь была весна,
Как теперь цвела сирень.

Двинешь шапку на бекрень
Как завидишь русы косы
И лицо нежнее розы.
Вспомнишь образ дорогой
Брови тонкие дугой,
Щеки нежного овала
Расцвели румянцем, ало,
Стан как гибкая лоза
Ниже пояса коса.
Грудь упруга, губы вишни
Только раз бывает в жизни.
Эта юная красса....
Эх, вы карие глаза,
Эти очи с поволокой
Сколько к ним любви глубокой
Испытали мы тогда
В те счастливые года.
Этим жизнь была красна.
И весна была весна.
Степи вдруг зазеленели,
Птичьи песни зазвенели.

И, как в прошлые года
 Пришла полая вода.
 Всюду, где не глянет око,
 Разлилась она широко,
 И похоже стала вскоре
 Наша степь на сине море.
 Плещет волнами разлив
 Тонут в волнах ветви ив
 Там, где были берега
 Из воды торчит куга.
 С гирл от самого Азова,
 Мимо шумного Ростова,
 Выше белого Аксая
 Вверх стремилась рыба стая.
 Шла она густым потоком,
 Расходилась по притокам,
 По мельчайшим озерцам,
 Рыбы всякой было много там.
 Всюду ей была дорога,
 Вот и шла она туда,
 Где для ней была вода.
 Здесь, чтоб ясен был рассказ
 Нужен маленький присказ.
 Чин у нас всегда был разный
 Там - ефрейтор, наш приказный.
 Мы вели свои чины
 От далекой старины.
 Нас водили в бусурманы
 Наши вихры "Атаманы".
 В помощь им была дана
 Войсковая Старшина,
 Да лихие Есаулы,
 Что не льстидись на посулы,
 Голос зычен, кровь буйна...
 Их всегда влекла война.
 В глубине придонских вод
 Рыбий тоже чин не тот.
 Вот скажу я на обум,
 Есть такая рыба окунь,
 А, смотрите-ка, у нас
 Назывался чикомас.
 Карпа звали мы сазаном,
 Лежь давно у еас чебак,
 А судак, так тож была
 Наша славная суда.
 Карп-сазан, что за рыбаина...
 Часто более аршина
 Был, он я бы вам сказал,
 Как бы рыбий генерал.
 Вы его видали сами,
 С чуть отвисшими усами,
 С золотистой чешуей,

Всей осанкою своей
 Он внушал себе почтение
 И на вкус - так объеденье.
 Мы их валили, солили,
 В масле жарили, сушили,
 Да еще был каждый раз
 Отпустив их в маринад
 С массой специй ароматных
 Тонко пахнущих, приятных,
 Раздражавших аппетит,
 Когда уксус закипит,
 Под кусок такой находки
 Как не выпить рюмки водки.
 Пили даже по стаканам,
 Чтобы честь воздать сазанам.
 Той же самой весной
 Часто сеть раскидной,
 Мы ловили чебака.
 В широчайшие бока
 Вдоль клали вкусной каши
 И его хозяйки наши
 В жарком коробе пекли.
 А когда на стол несли
 Подрумяненный изрядно
 Верьте, было так приятно
 Для любого казака
 Съесть донского чебака.
 О суле сказать мне лестно
 Что у ней, как вам известно,
 Кроме всех иных статей
 Почти не было костей.
 Но, хоть рыба не костиста,
 То, зато весьма мясиста.
 И к тому-ж была она
 Удивительно жирна.
 Ею были в годы онны
 Все увешаны балконы.
 Сохла там она постом
 Вверх главою, вниз хвостом.
 Чтобы там не говорили,
 Рыбы много мы ловили.
 И как в мясе дикий волк
 Понимали в рыбе толк.
 Уж давно сказать пора
 Про донского осетра,
 Да про верную подругу
 Распрекрасную севрюгу.
 Их ведь как же не уважишь!
 Только разве-ж все расскажешь?
 Как расскажет мой язык
 Про нежнейший наш балык.
 Ну, и дальше по порядку,

Про икорку, про стерлядку,
 Иль каков был, наконец
 Знаменитый наш рыбец.
 Тем, кто кушал их когда-то
 И рассказывать не надо.
 Кто-ж не ел, тот в землю глядя
 Может буркнет "врешь ты дядя"
 И пойдет вас величать...
 Так уж лучше помолчать...
 Как-то с рыбов бывало
 Рассказал я вам не мало
 И оставив рыб в покое
 Расскажу я Вам другое.
 Хорошо у нас весной
 Тихо плещет Дон волной.
 В синем небе реет птицы,
 Ярко зелены станицы.
 Воздух - каждый им упьется
 От акаций так и льется
 Тонкий пряный аромат.
 Им наполнен каждый сад,
 Ночью лунной, но не скромной
 Замечал я в позе томной
 На скамейке, иль в беседке
 Силует моей соседки.
 В уголке своем укромном
 Вся в мечтах она забылась.
 Было видимо - влюбилась.

Дышет грудь, а сердцу тесно...
 Хороша, свежа, прелестна.
 Вся она была такая,
 Как весной ночь донская.
 Вдруг от грез она очнулась
 И, как птица встрепенулась.
 Сердце молотом забило,
 Значит чуется - близко милый.
 Тихий шорох, легкий свист...
 Задрожал на ветке лист.
 И тихонько, как улитка
 Отворилась калитка.
 Слабый взглас от волнения,
 Громкий вздох, конец сомнения.
 Были ясно слышны мне
 В той вечерней тишине.
 А потом обнявшись нежно
 Тихим шагом, безмятежно,
 Отстраняя вишень ветки
 Пара двинулась к беседке.
 Эти первые свиданья
 Со страстным чувством ожиданья
 Что давно забыты вами,
 Трудно выразить словами.
 Много разных чувств бывало
 Нашу душу волновало...
 И давно все это было...
 Ну, а вспомнишь - сердцу мило.

Е. Ковалев.

БОРЬБА ЗА РОДИНУ. / продолжение /

Гл. 5. Бой под Пшехской.

В станице Хадзыгинской, возле правления, толпились казаки, казачки, детвора и что-то с большим вниманием слушали... Подойдя поближе, я увидел сотника Березлева, стоявшего на крыльце в роли оратора. Ясным отчетливым голосом он призывал казаков на помощь армии генерала Деникина, просил поддержки, умолял всех сплотиться во едино, чтобы прочным крепким кулаком сбить "красное ярмо". Упрекнул казаков за то, что согнули свои шеи перед комиссарами и забросили ружья и сабли. Время настало разогнуть спины, взяться за оружие и по заповоужски постоять за веру Христову, за вольность казачью, за родные семьи и хаты.

- Есть еще порох в пороховницах! Не согнем мы вольные шеи перед этой сволочью! - закончил он свою речь.

Подъем духа в массе был превосходный, не требовалось трубить сбор или бить в набат, чтобы сзывать на мобилизацию; достаточно было атаману станицы объявить года подлежащие призыву в ряды армии, как сами казаки явились в полном вооружении и зачислились ко мне в сотню. Станицы Хадзыгинская и Куринский хутор дали четырех офицеров и

восемьдесят казаков. Офицеры: сотник Караванский 2-го батальона, сотн. Филипенко - 8-го, прапорщик Сопнев - 20-го и прапорщик Косякин, сделавшийся офицером незадолго до начала большевизма.

Высланная Березлевым конная группа захватила одно полевое орудие и патронный ящик.

К вечеру, со станции Хаджиинской, находящейся от станции верстах в восьми, получили известие, что капитан Чкадуа и батальон Канарева успешно продвигающийся по линии жел. дор. А поздно ночью узнали о взятии Кубанской столицы, Екатеринодара, войсками генерала Деникина.

О той радости, какую мы пережили тогда, я затрудняюсь передать. Да и как было не радоваться. Центр Кубани освобожден... Еще несколько дней, и мы соединимся с большим ядром, из которого разовьется мощная армия и партизанщина, зачастую вредная, отойдет в область предания.

Для облегчения передвижения, пехоту посадили на обывательские подводы и спешно двинулись по Майкопскому шоссе на станцию Апшеронскую, где встретили тот же радушный прием, как и в первых двух станциях. Ночевка в Апшеронской, мобилизация и поход дальше в станцию Кубанскую. Березлев с конницей уехали вперед, - конные казаки, в большинстве были этой станции и, по вполне понятным причинам, спешили поскорее попасть домой.

Когда я приехал с пехотой, то в станице уже шло торжество полным ходом. Столы с выпивкой и богатым казачьим разносолом красовались на площади, под открытым небом, под лучами августовского солнца. И не успел соскочить с коня и отдать соответствующие распоряжения, как старики-казаки подхватили под руки и спешно потащили за стол. Чкадуа с группой офицеров был уже здесь. Узнав по телефону о приезде Березлева, он тотчас же лесной дорогой приехал в станицу, чтобы координировать дальнейшие военные действия. Задача была такова: партизанский отряд проселочной дорогой должен идти на Пшехскую, грузины с самодельным бронепоездом - вдоль линии ж.д. и батальон Канарева - в обход с северо-запада.

По сведениям, полученным в Кубанской, выяснили, что один из штабов Сорокинской Армии с главными силами находится в Белореченской, а в Пшехской лишь небольшой отряд-авангард, прикрывающий отступление. После мобилизации в станице Кубанской и на хуторе, носящем то-же название, у меня в сотне сосредоточилось свыше двухсот штыков, по тому времени сила довольно внушительная.

Я получил приказание со своей сотней сделать ночную вылазку на станцию и, пользуясь темнотой, произвести панику в советских рядах, а если удастся, то и поживиться кое-чем. Весь отряд Березлева расположился в трех верстах от станции на ночлег, я же направился вперед. Ночь была удивительно темная, шли почти на ощупь, кругом царил мертвая тишина; лишь изредка похрапывал мой конь, да тархтел пулемет, тащившийся следом за нами. При входе в станицу, я приказал взять пулемет на руки и нести на себе. Пшехских казаков у меня не было, а казаки соседней станицы терялись в такой темноте; поэтому, чтобы поскорее пройти к центру, пришлось вызвать жителя из крайней хаты и спросить у него наикратчайший путь. На стук в окно вышла женщина. На мой вопрос, где лучшая и ближняя дорога к церкви, она ответила незна-

- Неужели ты в твоей станице не знаешь, где дорога к церкви? - возмутился я.

- Ой, родненькие, ей Боги, не знаю! - залепетала она и начала, оглядываясь, быстро, быстро креститься.

- Да кто ты, казачка али мужичка? - спросил один из пластунов.

- Мужик..и..чка, - протянула она сквозь зубы и поспешно убежала в хату. Или она с целью не говорила, стараясь задержать нас и заставить поплутать в темноте, или же перепугалась до того, что, действительно, забыла дорогу в церковь. Вернее всего первое, ибо на всех станицах иногороднее население относилось к нам не совсем доброжелательно. А вышла из хаты потому, что пластун, стучавший в окно, на вопрос "кто там" ответил "свой". Думала, что большевики, а вышла, увидела казаков с погонями и сразу потеряла память. Свои, да не те...

Я выделил два звона и направил их по двум боковым улочкам, как две фланговые заставы, с остальными же пошел дальше, прямо по той улице, где шла проезжая дорога. Главными дозорами пошли казаки станицы Кубанской, как соседи. Двигались очень медленно, через каждые сто-двести шагов останавливались и ждали сведений от дозоров. Наконец, впереди нас показались огоньки... Площадь...

В станичном правлении окна были раскрыты, горели лампы, мелькали тени людей, суетились. Я хотел тихонько подползти с сотней к правлению, чтобы без излишнего шума захватить все, что там есть, но один из пластунов уронил винтовку, залаяли собаки, и неприятельский часовой, после оклика "кто идет", выстрелил. На свет, вдоль правленской стены, ясно виднелись перебегавшие фигуры солдат. Затрепал мой пулемет, загрохотали ружья, и мы с криком "ура" выскочили на площадь. Я вскочил в присутствие. На большом столе, с грубым красным сукном, залитым чернилами, валялись бумаги, шкафы стояли открытыми, все дела разбросаны, очевидно, "хозяйская" рука забирала в торопях более нужное. Телефонная трубка была снята с рогатки. Я приложил к уху... шум... разговоры... Вызвал Белореченскую.

- Откуда говорят?

- Из Пшехской, - ответил я, - товарищ Ковалев!

До слуха донеслась неприличная ругань и разговор кончился. Должно быть, главный штаб уже знал, что в Пшехской мы, а не товарищ Ковалев.

В садах, при переправе через реку Пшех, пластуны захватили человек двадцать пленных - мадьяр и китайцев. Все заявили, что служили в обозе.

- Но, где же ваши обозы?

- В Белореченской.

- А вы почему здесь?

- Мы проспали.

Безусловная ложь. Обозы уехали в Белореченскую еще утром, когда мы только что подходили к Кубанской, а здесь оставалась небольшая часть с комиссарами, для ликвидации дел.

- Что здесь делали комиссары?

- Не знаем...

- Кто командовал головной частью?

- Не знаем...

Упорное нежелание отвечать на вопросы. Отправил их к Березлеву, чтобы там развязали языки.

Вот вам красное воинство, углубляющее революцию и охранявшее народных комиссаров, или вернее, "народных убийц", получивших право власти из рук знаменитого Керенского.

"Защитники и освободители" угнетенного русского народа окружили себя китайцами и мадьярами, которые безжалостно выпускали патроны в тех, кто хотел видеть родную землю чистой от всякой погани.

Господи! Дочего дожил русский народ! Забыл и Бога и Церковь, отдал на поругание древние святыни, продал и честь и совесть ненавистникам России и всего русского и утонул в крови мучеников, пытавшихся остановить, сдержать, вразумить. С головы до пят обогрел себя кровью невинных сынов своих. Беспощадно, безжалостно бросился грабить, убивать, насилловать... вместе с большевистскими опричниками - мадьярами, китайцами и латышами...

Кого только не видели стены Кремлевские?... И татар, и поляков и французов, но никто из врагов наших не издевался так над святынями, как сам народ, подталкиваемый интернациональными бандитами, засевшими в царских палатах Белокаменной.

Чуть солнце осветило золотой крест колокольни, и яркие лучи заиграли на церковных куполах, как высоко, высоко в небе, на голубом его фоне, показался белый дымок, один, другой, затем раздался резкий сухой треск, свист... Шрапнель одна за другой разрывались в воздухе, свинцовые пули и осколки снарядов с глухим стоном ударялись в крыши домов, зарывались в землю, шлепались, свистели... Партизаны, еще в предрассветной мгле сосредоточенные на площади, толпились возле походных кухонь, откуда так заманчиво пахло свежим зеленым борщом.

Никто не предполагал, что большевики поведут наступление, так как отходили без сопротивления. Красные наступали с северо-западной стороны, о чем сообщил развед, артиллерия же стреляла прямо в центр станицы, догадываясь о нашем местопребывании.

- Дай борщ раздать, - засмеялся кашевар моей сотни, - ишь тебя разорвало спозаранку?

Но смех оказался плохим, и борщ остался нерозданным. Несколько снарядов разорвалось около самых походных кухонь, ранило лошадей и наделало не мало сумятицы. Березлев приказал мне со всей пехотой выступить навстречу красным и занять позицию, а обоз выпроводить на проселочную дорогу в сторону Кубанской.

- И пока останусь здесь, закончу дела, а потом приеду к тебе. Ты же ставь меня в известность и не жалею конных. Не дадут возможности собрать мобилизованных, чуе мое сердце!

Лишь только мы выскочили на открытое место миновали последние хаты, как затрепал пулемет, заставивший нас залечь в цепь. Красные шли в рост, не сгибаясь. Но не остались и мы в долгу, пустили в работу все пулеметы, открыли ураганный огонь из ручей и заставили противника опуститься на землю. Человек десять конных ординарцев, приданных мне для связи, спрятались за хаты, оберегая коней. Влево по полотну железной дороги, маячили фигуры, то дохори от Канарева.

Трудно управлять боевым участком, когда не знаешь местности, впопыхах занимаешь позицию, люди разбросаны, офицеров не видишь...

Положение немного улучшилось, когда наш огонь сдержал противника и полевая батарея, прибывшая с Чкадуа, начала бросать снаряды. Сам Чкадуа с грузинами прошел на правый фланг к реке и занял позицию

в садах. Оставалось левым флангом прочно соединиться с Канаревым, но заполнить двухверстный прорыв не представлялось возможным. После небольшого затишья, давшего возможность привести в порядок цепи и разобраться в обстановке, началось новое наступление красных в несколько линий. Я главное внимание обращал на левый фланг, боясь, чтобы в этом прорыве противник не зашел мне в тыл, а потому старался разрядить свои цепи, продвигаясь влево к Канареву.

Целый день гремела стрельба, целый день сдерживали натиск озверевших большевиков, но никто не чувствовал усталости или боязни за печальный исход. Лица казаков, с надвинутыми на глаза шапками, оставались невозмутимо спокойными. Это подбодряло меня. Единственно огорчало отсутствие патронов, и на все требования из цепи, приходилось с болью в сердце прибегать к лжи.

- Передайте, что патроны уже везут!

Напрасно я гонял ординарцев и в обоз и к Березлеву, увы: обозы драгнули далеко куда-то, а у Березлева, конечно, не было.

К вечеру, положение изменилось к худшему...

Я лежал в цепи, когда ко мне подполз сотник Величко.

- Господин есаул, смотрите, что это за войско идет сзади нас?

Я оглянулся назад. Приличного состава рота, развернутым фронтом двигалась ко мне, держа ружья на изготовке. Посередине шла сестра милосердия. Первоначально, у меня мелькнула радостная надежда, что это Березлев, произведя мобилизацию, идет ко мне на поддержку, но форма одежды - защитные рубахи и фуражки - сразу же перенесли меня в другую сторону: "грузины бросили свои позиции и отходят".

Поделился своими предположениями с Величко, но последний и несколько казаков, лежавших возле меня, с тревогой в голосе промолвили: - Не большевики ли?

Сомнение закралось и у меня. Мысли одна за другой понеслись в усталой голове... "Что если это большевики? А что если Чкадуа отступил, не поставив меня в известность? Что тогда делать?"

- А ведь возможно что и большевики, процедил я, - не мешает, на всякий случай, принять кое-какие меры.

Я приказал Величко повернуть свой взвод в обратную сторону, приготовить пулемет, собрать в кулак вторую сотню и ожидать...

Только взвод Величко принял обратное положение, как сзади раздался крик: "не стреляй, свои!" И в тот же момент, с громким "ура" бросились в штyki. Заварилась такая каша, в которой не только тогда, но и теперь еще невозможно никак разобраться. Несмотря на наше героическое сопротивление, несмотря на лихую контр-атаку, мы все же потерпели поражение. Да и нельзя было одержать победу, иначе свершилось бы чудо. Потеряли три орудия, два пулемета, много раненых и убитых. Подошел левый фланг маленьким кулачком, атаковал, отобрал один пулемет, прибавил лишние жертвы, но положение не изменилось...

Ночь, положившая конец нашей битве, дала возможность безнаказанно отступить на станицу Гурьевскую, а потом в Тверскую. Я был ранен и контужен, не настолько, правда, чтобы не мог двигаться, но первое время потерял сознание и лишь благодаря братьям Перовым, не остался на поле брани. Первоначально меня везли на верховой лошади, поддерживая со всех сторон, а затем в лесу, догнав подводу с ранеными казаками, положили туда. Я чувствовал себя крайне скверно: болела голова, налившись тяжелым свинцом, мучила рвота, хотелось пить, во рту ощуща-

лось присутствие земли...

Ночь, чреватая всякими неожиданностями, а тем паче неудачное отступление, заставляли беспокоиться за наш путь. Но все прошло благополучно. Ближе к Тверской догнали часть пластунов и пулемет, под командой сотника Хохлачева, от которого узнали, что Величко и Караванский были убиты и оставлены на поле брани... В Тверской уже стояла конница генерала Покровского, прибывшего из Екатеринодара. Мы вошли в его подчинение и, по его приказанию, отправились на станцию Хадзыгинскую для переформирования. Войсковому старшине Кольбикову, которого я встретил в Тверской и который страшно сердился, что опоздал к Пшехской трагедии, приказано было из всего отряда партизан сформировать нормальный батальон и назвать его 2-м Кубанским Пластунским.

Гл. 6. Печальная действительность.

Наше поражение под Пшехской, потеря орудий, пулеметов и нескольких десятков офицеров и казаками убитыми, объясняется исключительно отсутствием тесной связи с фланговыми частями. На правом фланге, за который я не беспокоился, находился отряд грузин под командой Чкадуа, человека безумно храброго, решительного, не теряющегося ни при какой обстановке. Но дело в том, что Чкадуа был убит, несколько грузинских офицеров выбыло из строя, и отряд, оставшийся без надлежащего командования, не поставил нас в известность. Я же, обращая внимание только на левый фланг и слишком положившись на грузин, совершенно упустил из виду, что надо держать связь со Чкадуа и извещать друг друга о всех переменах на участках. Благодаря этому, наступавшие с тыла большевики были приняты вначале за своих.

От Березлева не получал никаких распоряжений, а после выяснилось, что он, закончив мобилизацию, не мог к нам попасть, ибо мы уже были отрезаны. У мобилизованных не было ни ружей, ни патронов, и он отошел с ними в тыл. Конные ординарцы, бывшие в моем распоряжении, находились в разгоне, и назад, по выполнению поручений, никто не возвратился. Я остался без связи. Канарев вел бой на своем участке. Конница Покровского на помощь не подошла, не взирая на то, что прибыла в Тверскую в разгар нашего боя, а ехавшего для руководства операцией Кольбикова почему-то задержали в штабе Покровского.

Вот при какой обстановке я потерпел поражение и, по приказанию "свыше" предавался суду за потерю орудий, но подробный мой рапорт с описанием боевой обстановки и ранение, полученное в этом бою, спасли от суровой кары.

На станцию Хадзыгинскую направлялись все части и отдельные лица, имевшие то или иное отношение к Партизанскому отряду. Кольбиков, с помощью офицеров, энергично взялся за создание батальона, уравнивались сотни, снабжались винтовками, патронами и прочими вещами, необходимыми в боевой обстановке. Я, отказавшись ехать в госпиталь, остался при батальоне, получил в командование первую сотню и, нетревожимым начальством, понемногу работал над созданием маленького, крепкого кулачка. Все те казаки, кои были у меня в сотне раньше, опять вошли в мое подчинение и мы вечерами беседовали и вспоминали бои у Пшехской. Каждый из участников, рассказывая, вносил что-нибудь новое и этим создавалась полная картина той ужасной обстановки, которая сложилась по нашей же вине. Много офицеров влилось новых, присланных

штабом Покровского, а прапорщики Гунин и Косякин, наоборот были вызваны в штаб для дачи показаний об их пребывании на советской службе.

По распоряжению высшего начальства, бронепоезд, находившийся у грузин, отобрали, и грузинам было предложено убраться во свояси. Мы крайне поразились таким грубым и нетактичным обращением с теми, кто шел драться против большевиков во имя идеи, но отнюдь не для того, чтобы завоевать Кубанскую область или другую какую-нибудь часть России и там поднять грузинский флаг. За очищение побережья, всей линии Армавири-Туапсинской ж.д., за освобождение ряда станиц, за создание партизанского отряда, вместо благодарности и совместной работы, мы их изгнали из своих пределов.

А еще позднее началась война Добровольческой армии с Грузией из за Сочинского Округа, и вплоть до трагического отступления нашей армии, грузины питали к нам враждебные чувства, а по отношению к русским, проживавшим в Грузии, проявляли острый шовинизм.

Глубокая ошибка верховных правителей заключалась в том, что не могли учесть порыв чувств и настроений маленьких народностей, в минуту разрухи Великой Империи, желавших освободиться от большевизма путем самоопределения народов. Тем паче, что идея самоопределения народов нашла нужную почву в Европе. Вместо того, чтобы использовать закавказские республики в качестве союзников, уклоняясь немного в сторону от идеологии Добровольческой Армии, мы, не чувствуя под ногами еще твердой почвы, объявляем их врагами русского государства.

История, как более строгий и беспристрастный судья, разберется в этом вопросе с наимельчайшими подробностями и ярким штрихом подчеркнет наши ошибки.

В то время, когда мы переформировывались на ст. Хадзыгинской, ко мне явился казак Федоров и рассказал следующую историю.

В бою у Пшехской он был тяжело ранен в голову и, потеряв сознание, принужден был остаться на поле сражения. От ночного холода очнулся и, увидев себя среди убитых, пополз между телами к ближним хатам, чтобы попросить о помощи. Об исходе боя он совершенно ничего не знал, но почему-то предполагал, что станица держится в наших руках.

Шагах в двадцати - тридцати, впереди себя он увидел силуэт какого-то человека, возившего над телом убитого. Чувствуя одиночество и некоторый страх, не зная обстановки и боясь попасть в руки врага, он инстинктивно притаился... Мимо него прошла женщина с лопатой в руке, попутно обшаривая карманы убитых. Первоначально, он намеревался спросить ее об участии нашего отряда, предполагая, что это казачка, которая ищет кого-нибудь из своих близких, погибших в этом бою, но кошмарная картина, представившаяся его глазам, привела его в ужас. Кто-то из лежавших поодаль застонал... Женщина, недолго думая, быстро подошла к раненому, подняла лопату и, резким ударом по голове, добила несчастного. Федоров, в страхе от такой картины, напряг последние силы, вскочил, закричал и побежал к лесу, прикрываясь темнотой ночи. После трех дней скитаний с тяжелой раной в голову, обессиленный от потери крови, он с трудом добрался до Тверской, а оттуда препроводили его в Хадзыгинскую. Я, как и многие другие, скептически отнесся к его рассказу. Ведь, можно допустить, что это была галлюцинация под влиянием тяжелого ранения в голову, нервного потрясения, повышенной температуры и тому подобное. Я доложил Кольбикову, так как долг служ-

бы требовал точного расследования всего вышесказанного. Кольбииков вполне допускал возможность подобного происшествия в гражданской войне, но затруднялся сказать, что служило причиной: - мародерство, или ненависть к казакам?

Так как весь район, прилегавший к месту нашего боя был заселен иногородними, то вполне было возможно, что женщина-преступница была не казачка, и преступление совершалось не столько с целью наживы, сколько из мести и вражды.

Какая же причина к вражде между казаками и иногородними?

Безусловно, земельный вопрос...

Пришельцы из центральных губерний России обосновались на Кубани незадолго перед войной. Достаточно разбогатеть еще не успели, земли не приобрели, равноправием не пользовались, потому вполне понятно, что при наличии "народной" власти, т.е. большевистской, внимание их останавливалось на богатых казачьих угодьях. Аппетиты разгорелись, порядок дележа земель был строго разработан, а тут вдруг откуда ни возьмись, пришли золотопогонники, появился атаман в черкеске, права иногородних опять умалились и земля ускользнула из под носа. Конечно, нужно бороться и всеми силами уничтожать казачество. За смерть одних, обогащение других. А наша образованная демократия, в слепой ненависти к казаку, считавшемуся главным орудием искоренения крамолы в государстве, еще больше разжигала костер вражды, указывая на богатство одних и бедность других, и давно уже кричала об отобрании казачьих земель. Коренное население Кубани, казаки и государственные крестьяне, переселившиеся из России еще во времена покорения Кавказа, или солдаты, участники экспедиций, получившие землю наравне с казаками, но не пожелавшие переходить в войсковое сословие из-за тяжести службы, все они вместе своим трудом, своей кровью, не малыми жертвами освободили дикий край от туземцев, окультивировали и в награду получили от правительства грамоты вольности и право на землю со всеми ее богатствами. Имеют ли они право быть хозяевами у себя дома, на своей земле? Безусловно имеют! И только они одни - хозяева, но отнюдь не тот пришлый элемент, преимущественно ремесленники, прибывшие на заработки, которые поселились на готовое и претендуют на чужое.

Казак или на службе, или занимается земледелием, и уделять время на изучение ремесел, необходимых в хозяйстве, ему не приходится. В виду этого, пришельцам ремесленникам казачьи общины разрешали оставаться на жительство в станице, помогали таковым в устройстве хат, давали для жилья все необходимое и способствовали всем, чем могли.

Пришельцы быстро осваивались с новой жизнью, от обильных заработков копчили деньжонки и, с благословения станичных сборов, приобретали земельные участки, роднились с казаками и жили во много раз лучше, чем их земляки в какой-нибудь Пензенской губернии. Но зависть и жадность - главное зло человечества. Милости и благодати казачьи вскоре - же забывались, вместо благодарности точили зубы на казаков и, подогреваемые социалистами, обостряли отношения и таили злобу до лучшего для них дня.

С приходом большевиков, нежданно - негаданно, такой "лучший" день наступил, и подобный элемент иногородних сразу же выделился из общей революционной массы и, попирая казачьи законы, захватывая земли, ставя своих комиссаров, начал сводить счеты с казачеством...

Случай с Федоровым я запомнил и решил в будущем произвести строгое расследование, чтобы виновника наказать, а факт подобного преступления занести на черные страницы истории русской смуты и гражданской войны.

Впоследствии, когда освободили Пшехскую станицу, я был на том самом месте, где мои пластуны занимали позиции и вели бой. Без особого труда, я разыскал тот дом на окраине станицы, где жила женщины - зверь, но, увы, окна и двери были заколочены досками. Производить обыск в доме я считал совершенно излишним, ибо искать было нечего, орудие преступлений не могло остаться в доме, а потому я хотел было ехать в батальон, но один из урядников случайно заглянул под крыльцо и обнаружил железную лопату с большим дубовым черенком. На железной лопате были черные пятна засохшей крови... Улики были на лицо, и рассказ Федорова подтверждался.

Так как все тела убитых большевики похоронили в общей могиле, то я в рапорте указывал на необходимость немедленной раскопки и назначения военно-следственной комиссии по осмотру тел убитых. К великому сожалению, рапорт мой "застрял" под чьим-то сукном, и дело это заглохло. Очевидно, не сочли нужным уделять время на подобные мелочи...

По лужам, по непролазной грязи, где лошади едва тащили свои повозки, с песнями, ровняясь в рядах, отбивая отчетливо ногу, батальон наш вошел в Тверскую. Мы прибыли туда по распоряжению генерала Покровского, чтобы на другой день, совместно с его конницей, идти в наступление. Батальон был полного состава: четыре сотни и пулеметная команда. Людей в сотнях хватало, даже наблюдался избыток. Настроение в рядах было великолепное, воинственное; люди шли на смерть не из под палки, а за совесть, за идею. Ни слез, ни душевного уныния, наоборот, танцы и песни без конца. Не раз приходилось удивляться отсутствию усталости, никогда не слышалось ропота недовольства, негодования, не замечалось критики приказаний, но моральная поддержка друг друга замечалась на каждом шагу. Сердце радовалось глядя на батальон. Но частую явления извне, сверху или снизу, вносят деморализацию в воинские части, нарушают дисциплину, выбивают из нормальной колеи, из воина делают митингующего и рассуждающего гражданина и в корне подрывают авторитет начальников. Как в начале революции приказ № I с декларацией прав солдата одним ударом уничтожил могучую сильную армию и никакие приказы потом, никакие суровые меры наказания не могли сдержать разбушевавшуюся стихию серых шинелей, так и в гражданской войне необдуманные действия высших военачальников и правительствующих лиц разлагали войсковые единицы, вносили раздор и вражду, парализовали благородные чувства и умерщвляли гражданский долг каждого воина. Так случилось и с нашим батальоном. Я уже упоминал раньше, что поручики Гунин и Косякин были вызваны в штаб к Покровскому для дачи показаний об их службе в красной армии. После производства дознания, их предали военно-полевому суду и суровые судьи вынесли несчастным видам смертный приговор. За что? За то, что Гунин месяца два служил в Красной армии, исполнял обязанности ротного писаря, удерживал красноармейцев от грабежей и насилий, спасая казачьи хаты от разорения и способствовал нам при занятии Нефтяной, Косякин, убежавший в лес при появлении большевиков, вернулся, по настоянию своих родителей, в станицу и помогал отцу - военному писарю работать в правлении. Как

Гунин, так и Косякин, сделавшиеся прапорщиками в 1917 году, в дни революции, молодые мальчишки, полные сил и энергии шли служить свободной родине и помогать ей в ее процветании и благоденствии.

Генерал Покровский утвердил приговор...

Он не думал о том, как отнесутся к этому казаки, опора всей армии. Не интересовался тем, что горячие слезы старух-матерей будут служить ему проклятием. Его не волновала судьба сирот... Он сделал злое дело и чем дальше продвигался вперед, тем больше путь его украсился виселицами. Жертвы одна за другой поднимались на эшафот только за то, что косвено принимали то или иное участие в строительстве советского государства. Тогда украсить виселицами нужно было бы всю Россию...

Мы только что расположились по квартирам и я с сотенным писарем занялся составлением отчетности, как в комнату вошел мой вестовой, казак Остриков и доложил, что меня хочет видеть Косякин.

- Какой Косякин? - спросил я - прапорщик?

- Никак нет, отец его.

В комнате появился Косякин, лет шестидесяти старик, с большой бородой лопатой и смуглым цыганским лицом. Из темных усталых глаз текли слезы на седые усы, бороду...

- Ваше благородие, господин есаул, да что-ж это такое, где - же правда?

- В чем дело? - недоумевающе спросил я его.

- Сына то моего приговорили к смертной казни вместе с прапорщиком Гунинным!

Если бы в ту минуту надо мной разорвался снаряд или поразило громом, я не был бы так удивлен и поражен, как таким необычайным известием.

- Откуда вы узнали? - спросил я его.

- Я сейчас был в штабе дивизии, приехал навестить, а там мне сказали, что сегодня состоялся суд, и приговорили обоих к смертной казни. Что мне теперь делать? Свиданье и то не разрешили... Господи, Боже мой! Помогите мне ради Бога, ради всех святых, спасите мне сына! Он ни в чем не виноват!

Старик заплакал навзрыд, как маленький ребенок. Слезы, одна за другой, как мелкие бриллианты, перескакивали с усов на бороду, с бороды на пол. Да и как было не плакать?

Единственный сын, девятнадцатилетний мальчик, только что окончил реальное училище, сделался прапорщиком и, в заключение, шел на эшафот, как важный государственный преступник, изменник родине или шпион.

Я так растерялся, что не сообразил сразу, как утешить старика, чем ему помочь и что делать. Потом уже догадался увести его к командиру батальона, войсковому старшину Кольбикову и с ним вместе обсудить план наших действий...

Кольбиков посоветовал Косякину немедленно ехать в станицу Хадзынскую, собрать сбор и представить Покровскому приговор за подписью всех выборных от станицы с ходатайством о помиловании, или же о замене смертной казни тюремным заключением.

Хадзынские казаки находились у меня в сотне, человек, вероятно, до восьмидесяти. Я приказал им написать докладные записки с изложением их просьбы.

Старик Косякин привез приговор, приехали делегаты от станичного сбора, я через командира батальона представил в штаб докладные записки, но все это козалоось ничемным.

Покровский был неумолим, и ночью же несчастных расстреляли в кустах за станицей, а батальон наш выслали срочно на позицию. Представьте себе настроение той сотни, из рядов которой вырвали невинного казака и расстреляли. Была ли охота, было ли желание идти в бой с той отвагой и решимостью, какая наблюдалась за несколько дней перед этим? Было ли доверие и к тем начальникам, которые искренне стремились освободить Казачий Край от большевистского ига, а не завоевывали ее виселицами? Нет, не было ни того, ни другого.

Охоты не стало - шли в бой из под палки. Не пойдешь на фронт - расстреляют. Доверие к начальникам тоже пропало - мерили всех одним аршином.

- Были красные - рубили головы казакам! Пришли белые - расстреливают казаков же! Где искать лучшее, где искать правду? Неужели на свете правды нет? - говорил мне один из казаков Хадзынцев.

И в недалеком будущем правду нашли. Через год уже горная полоса Кубанской области кишела "зелеными", назвавшимися так под цвет кустов и леса. Кадр зеленых состоял из разочарованных и недовольных, из дезертиров и не сочувствующих, из просто бандитов и большевистских агентов...

Высылались войсковые части по борьбе с зелеными, но результат наблюдался печальный: некоторые части сами сдавались зеленым, а другие, обезоруженные, возвращались обратно. Горные станицы переполнялись бродячими шайками. Все строгие меры были исчерпаны, применяли смертную казнь, но и это средство оказалось бессильным. Поток дезертирства из армии не уменьшился, а увеличился. А, когда тот же Покровский повесил члена Кубанской Краевой Рады Кулабухова и тело в черкеске, с надписью "за измену Родине" висело на площади казачьей столицы, то казаки и совсем бросили фронт и уходили целыми партиями под громкие аплодисменты наших врагов.

И к концу 1919 года, фронт зеленых настолько усилился, что приходилось серьезно задумываться о путях отступления.

А сколько, подобных Косякину погибло на пути Добровольческой армии, трудно учесть, ибо "грязная" работа творилась за кулисами контр-разведки, куда строевой офицер и близко не подпускался, да тем паче, что и возмущаться то несправедливостями офицеру не полагалось...

Сергей Макеев.

ВОЛГО-ДОНСКОЙ КАНАЛ И ЦЫМЛЯНСКОЕ МОРЕ. - Выписки из русской газеты.

"Цымлянское море начинается там, где канал соединяется с Доном. На месте Цымлянской станицы, перенесенной на другое место, сооружена мощная гидростанция... Затопление такой громадной площади вызвало уничтожение 170 станиц и хуторов, насчитывавших 20 тысяч хозяйств. Уровень воды в Цымлянском море поднят до 26 метров..." "Длина 80 километров, ширина 30... На двух башнях установлены большие фигуры конных казаков..."

Дальше Степан не мог читать. Голова сама опустилась. Долго так сидел Степан, глядя на пол, где какая-то букашка силилась вылезти из щели,

и думал. Потом вслух проговорил, пригибая пальцы: "Так... эта значит... Цымлянская, Терновская, Карнауховская, Мариинская, Новоцымлянская - по тот бок. А по этот - Подгоренская, Жуковская, Баклановская, Малолучная, Нагавская, Верхне-Курмоярская, Курмоярская, Потемкинская, Суворовская... аж до самого Чира. И все эти земли, старинные казачьи, значит под воду... потонули... стало быть. Был ты отец наш, Дон Иванович, а теперь из тебя аккуратно убийцу сделали. 170 станиц заставили тебя проглотить вместе с куренями, пашнями, виноградниками, кладбищами и родными храмами.

Пишут, что перенесли Цымлянскую. А другие как же? Это мыслимо 170 станиц перенести с куренями?... Нет! Этому мы не поверим. Виноградники, конечно, перенести куда угодно, хоть в Сибирь, да расти то будет-ли? Нет, не расти ему без нашей цымлянской землицы. Виноградники, считай значит, погибли. Нету цымлянского вина. Да-а...

А вот слез, что там, да крику бабьяго было, так это мы чувствуем и здесь. Бабы кричат, ребятишки режут, старухи причитают, да воить... Боже мой! Господи! Как сердце только не лопнет? А упокойников наших, дедов и прадедов, что мы оставили сторожить нашу землю и права наши казачьи, вместе со старенькими церквушками, тоже значит под воду? Толпите, туда вашу... в закоп, в кровь, чтоб...

Вырезку прислал В.Д. Сычев.

МЫ САМИ ВИНОВАТЫ.

Казачи !

Мы - сами виноваты!
Только сами виноваты мы!
Были мы лишь честные солдаты
В подворотне нашей-же тюрьмы.

А когда, лихим огнем пылая,
Занялась со всех она сторон,
Мы пошли, тюремщиков спасая,
Позабыв про дедовский закон.

И в обломках рухнувшей громады
Горя чашу осушив до дна,
Все-ж запели по иному ладу
Старые припомнив имена.

Вспомнили Кондрата и Степана,
Про Казачий вспомнили Присуд,
И на теле - огненные раны,
А тела - на кладбище несут.

Холоден, продажен, безучастен
Мир врагов и жиденских друзей...
Казачи! Мы проморгали вчастье
По вине по собственной своей.

Но чтоб дедов не пропала слава,
Чтоб ее позором не покрыть,
Надо нам за Войсковое право,
На сполох по разински звонить.

И идти, не увлекаясь мщением,
Волю нашу в битвах отстаивать,
Лишь тогда молитву отпущенья
Сможем мы спокойно прочитать.

П. Поляков.

МОЛИТВА ЗА КАЗАЧИЙ НАРОД.

Кровью залита Казачья земля,
В священной борьбе за свободу -
Боже, наш взор устремлен на Тебя,
Всесильный, дай Волю народу...
Братья и сестры казачьих станиц,
Творите молитву Святую:
Боже, к тебе припадаем мы ниц -
Храни старину нам родную.

Праведный, добрый и всемогущий
Пролитую кровь Ты освяти,
Степи казачьи, степи родные
Для воли потомства ей ороси.

П. Апостолов.

РОДИНА.

Засияет ильское солнце
И в ноябрьский неласковый день,
Когда вспомню журавль у колодца
И левад зеленящих сень.

Улеглись, растянулись левады
Над протоком в талах, в камышах;
Улеглись с куренями, с садами
С повиликом в старых плетнях.

А вокруг расплескались просторы,
Разлились золотые поля.
Ветряки стерегут косогоры;
Ветром дышит казачья земля.

Дышит также, как раньше дышала,
Когда враг ее кровью поил,-
Когда Стеньку на казнь провозжала,
Когда Петр ей на грудь наступил,

Все пройдет и мелькнет как мгновенье
В голубых необъятных краях;
Но в небесном почти озареньи
Засияет родная земля.

Засияет родная надолго,
Засияет в величьи своем,
И Степановы мысли над Волгой
Будут камнями крепкими в нем.

Николай Евсеев.

НЕУСТОЙКА.

В самой середке старушки земли,
Черти под ад помещение нашли.
Крендели с маком и с таким пекут,
Грешников мучают, жарят и жгут.
С ведьмами пляшут чардаши чарльстон,

Гонят на адском огне самогон.
Скучно им, гложет нечистых тоска;
Больше не встретить в аду казака!
В сорок шестом, казаков, как на грех,

Гамузом в рай переправили всех!
Там они в горницах чистых сидят
В окна на птичек на райских глядят.

Чешут за ухом - признаться то страм,
Нам, с холодцем-бы, по сотенко грамм...

Правду сказать - не привычные мы:
Утром - стихири, под вечер псалмы..
Нам бы служивую хором сыграть,
Бабочку-польку с жалмеркой сплясать!

Надо-б святому Егорию, штоль,
Всю обсказать эту самую боль...
Богу, про жизнь прошение подать.
Слышно - чертей созвал Сатана
Слышно - чертям посулил он вина,
Слышно - велел приготовить углей:
В ад ожидают из рая гостей.
Слышно - котлов увеличен запас,
Вновь неустойка выходит у нас.
В нашем прощеньи греховность нашли
Новый нам скрининг наведи,
Будто вернули прощеньице нам
Нас же обратно послали к чертям..

Мы-ж, у Лиенца, из щелей и гор,
всех "демократов" - видали в упор.
После всего - не сочтем за беду
Трошки с чертями погреться в аду!

П. Поляков.

Я П Л А Ч У...

Я плачу... а дубы шумят своей могучей главой
И явно что-то говорят про меж собой своей листвою...

Я плачу... А ручей журчит, но так, как будто похвалиться
Про счастье долнее спешит, какое даже мне не снится.

Я плачу... Жгучий солнца луч сверкая в воздухе играет
И горы ярко белых туч на небе синем озаряет.

Я плачу... И прошу всех прочь! Посторонись и ты, прохожий!
Душа моя мрачна как ночь. Ей не поможешь странник Божий.

Все потому, что стал злой свет, что правды, совести и чести
Сей искры Бога в нем уж нет. Один обман и тот без лести.

Сычев. 1943 год.

Весной в лесу, когда цвело,
Я видел дуб рос полусгнивший,
Зеленый вид свой сохранивший,
Кой где еще. В стволе дупло.
Ужасен вид ветвей нагих
Обломан сук висел печальный,
Наряд его весь погребальный,
Среди зеленых остальных.
В дупле сова гнездо свила.
И филин старый поседевший
Сидел на пне, осиротевший.
Судьба, ведь, с дубом их одна.

Глядит-ли яркая луна,
Блестит светило ли дневное
Для них теперь есть всё пустое
И дума нудная одна.
Не все-ль равно, что уж весна
И яркий теплый день искрится
Что им, что жизнь везде струится
Когда она им не нужна.
А с ними я в стране чужой
Старик один с их мыслью нудной
В большой нужде от жизни трудной
Болею телом и душой.

И если Богом суждено
Нам после смерти вновь родиться
И проходить все то-ж одно
Как грустно! должен я сознаться.
Ужасно то, что я не знаю,
Чем лучше мне явившись быть
Здесь на земле. Но умоляю
Меня за дерзость не судить.
Хотел бы аленьким цветочком
Среди полей, среди дубров
Расти, приветливо листочком
Кивать соседке у дудков.

Хотел бы козочкой игривой,
Про меж стемнин, вблизи реки
Носиться грезой шаловливой
Или порхать, как мотыльки.
Хотел бы вольной птицей реять
В воздушной чистой синеве,
Хотел бы радость, счастье сеять
На страшной жуткой злой земле.
Чтоб больше мне уже не видеть
Злобы, пороков и вражды,
И не испытывать, не слышать
Заботы, горя и нужды!

В. Сычев.

К А З А К .

Тебе, казак, наездник беспримерный,
Я посвящаю музы стих.
Всегда ты в жизни скромный, в дружбе верный,
В борьбе отважен, смел и лих.

Давно победный стяг твой реет гордо
Над серой далей веков.
Всегда стоишь за правду жизни твердо,
Всегда за честь к борьбе готов.

Ты в годы зла и страшного разгрома
С узды сорвавшихся страстей
От рек своих степных и до аула
Боролся с пагубой людей.

В борьбе великой с темной страшной силой
Ты был, как рыцарь одинок
И пред развершейся могилой
Стоял спокойно, как пророк.

И, как пророк, ушел скорбя в изгнанье,
Чтоб миру правду рассказать:
Какую чашу горького страданья
Ему готовить ада рать...

Культурный свет с усмешкой горделивой
На страстный твой призыв взглянул,
И сам с улыбкой вежливой и милой
Убийцам руку протянул...

Не будет длиться злая дружба вечно,
Людской корысти с сатаной.
Растают горы злата скоротечно
В горниле правды всесвятой.

И будет долго подвиг твой великий
Лить свет с надзвездной высоты
На мир людской, несчастный, темный, дикий
На мир духовной нищеты.

П.Д. Котлобанский.

ГРУШЕВНИК.

/ Глава из повести " Хутор Буерак-Попов /.

По окончании уборки лугов хуторяне спешат на степной покос, что-бы во-время скосить траву и не дать ей перезреть.
- А то будет, как солома - говорили они, - ломаться в труху и пропадет запах.

Хороша степь в начале лета. Яркими цветами, сочными травами и морем зеленевших хлебов, как пестрым ковром покрыты ее необъятные просторы. На все лады поют и щебечут птицы, без умолку стрекочат кузнечики, звенят сверчки и разные букашки.

Ястреба, кобчики, луни и коршуны реют в воздухе, а над ними,

в небесной выси, парит орел - курганник; заворонки висят в воздухе и выводят свои звонкие трели; перепела и дергачи кричат в траве.

Несмолкаемый птичий хор, дополняемый свистом, писком, стрекотанием тысячи насекомых, разносится по степи.

- Загуляла степь! - говорят косцы. Полной грудью дышит степь ароматами своих цветов, трав и хлебов. Но, вот засверкают по ней косы и покроется она рядами скошенной травы. После, повсюду, как сторожевые вышки, покроют степь стога собранного душистого сена. Любит пахарь свою кормилицу землю. Луга, степи и нивы - вот его добро, где он в поте лица добывает хлеб свой и благодарит Бога, что Он даровал ему земные блага.

Казак Андрей Воронин, со своим женатым сыном Семеном, снохой Татьяной и двенадцатилетним сынишкой Николкой проехал в степь на покос и расположился станом на южной стороне грушевника.

Грушевник - это название большой степной балки, служившей границей между толочной землей с одной стороны, пахотными полями и степью с другой. Эта балка покрыта небольшими дубками, вязками, лесными яблонями и грушами, терном, кагальником, заросшим сорной травой и бурьяном. В этих зарослях водилось много разной степной птицы, находили там убежище зайцы, лисы, хори и другие мелкие зверушки,

В середине Грушевника был большой обрыв, на дне которого образовалось маленькое озерцо - плес, питаемое родниками, вытекающими из отвесной стены обрыва.

На несколько верст кругом в степи не было воды, поэтому в Грушевник с разных сторон казаки пригоняли поить скот и лошадей, брали там питьевую воду, летом собирали лесные ягоды и фрукты. Грушевник издавна считался каким-то таинственным страшным местом.

По хуторам о нем ходили разные фантастические рассказы. Будто бы в Грушевнике водилась какая-то нечистая сила, где-то зарыт клад, когда-то здесь жили разбойники, а теперь их души бродят по Грушевнику и просят прощенья у людей за свои грехи.

Когда спустится над степью ночь, в трудобах Грушевника кричат сычи, шелкают совы, по кустам и бурьянам бегают, шуршат разные зверушки, издавая пронзительные звуки.

Тогда, действительно, кажется вам, что Грушевник страшное место. Но, не все жители верят этой легенде: вдоль и поперек ходили они по Грушевнику в любое время дня и ночи.

- Ты, Татьяна, брось гресть, иди кашу варить, - сказал ей свекор Андрей. - А ты, Миколка, веди коня поить в Грушевник, да, кстати, привезете боченок воды.

- Да, я боюсь туда итти, - чуть не со слезами отвечает Миколка.

- Ишь, поди ты с народом: наговорили про Грушевник всякой охиной, а теперь вот и пугают людей... Чуть ли не домовые ходят в нем. Скажи, пожалуйста, чаво придумали знахари! Семен, иди ты. - приказал Андрей. Ты тоже боисси?

- Чаво боись? Бабы сказки, - ответил Семен. Взял коня, боченок и пошел вниз по дорожке к обрыву за водой.

Стемнело. Воронины уселись около огонька вечером. По дорожке от водопоя слышны были лошадиный топот и фырканье лошади.

- Ну, чаво испужалси, - послышался голос в темноте... Иди-и!

- Каво Бог несет? спросил Андрей в сторону приближающегося к ним

человека.

- Здорово днєвали? - подойдя ближе к огоньку, сказал тот.

- Слава богу, - ответили Воронины.

- Ть, да это ты, ярмил, - сказал Андрей.

- А я сразу и не угадал тебе, думал: хто это ночью из Грушевника идет? Садись с нами вечерить, - предложили Ярмилу.

- Нет, спаси Христос, наши теперь ждуть мне с водой к вечеру, ответил Ермил.

- Вы еще косите? - спросил его Семен.

- Там, на изволоки, у Гатмановского шляха.

- Это иде ваша старая гумно была?

- Да, там, подтвердил Ермил.

- Ну, а как трава? Как идет покос? - спросил Андрей.

- Да ничаво: есть овсяк, донник, но артанцу не мало... Да вот беда, Фекла моя захворала.

- А чаво у нее? - спросила Татьяна, подруга Феклы.

- Да кубыть ничаво, до обеда гребла, а потом зарезал у нее живот, да и зарезал. Говорить: не могу гресть. Отец сказал ей: - Если дойдешь сама домой, так иди, а если не можешь, так няхай Ярмил отвезет тебе к бабке Софьи, нехай тебе воды наговорить. - А я сказал Фекле лутчи к новой казачке обратись, та дже помогает, на травы и на камень наговаривает. Вить ее даже в станице знают и едут к ней лечиться... Фекла пошла. Как нибудь дойдет до хутора с поддышкой.

- Ну, да кто нибудь подвезет, - заметил Андрей. - Вить теперь много подвод идет по дороге.

- Я к вам, дядя Андрей, с просьбой - заявил Ермил.

- С какой? - Да у нас пирогов не хватило и отец просил заехать к вам занять пирог.

- Это можно. Татьяна, дай яму пирог, - приказал Андрей.

- Ну спаси Христос, - благодарил Ермил, кладя в торбу пирог и собрался ехать на свой стан. Ну, а как у вас насчет хлебов? спросил Андрей. - Да слава Богу: пашаница, что в Гарачах, уже выколашивается, имень и просо тоже пускають колос.

- У нас тоже слава Богу, хлеб хороший, - заявил Андрей. - Теперь если Бог пошлет при наливе дождичка, надо ждуть урожай.

Поговорив еще немного, Ермил сел на коня и, погроцавшись с Воронинами, направился к своему стану.

- А на ярмарку собираетесь? - крикнул ему вслед Семен.

- Да то как же, собираемся, ответил Ермил и скрылся в темноте.

- Ты, Семен, гляди, чтобы конь не отвязался и не ушел в пашаницу, сказал ему отец, ложась спать на пуховых рядах скошенной травы.

- Нет, не отвязется, ответил Семен, собираясь спать с женой под арбой.

- Што-то зарница оверкает, - заметил Семен. - Дай Бог, отозвался отец.

Над Грушевником спустилась тихая степная ночь. По прежнему кричали сычи - "сплю, сплю", рокатали совы, пели соловьи, да молодые выводки куропаток выбегали из бурьянов в поле на корм.

К концу июля окончивается хлебный покос. Скошенный хлеб свозится на гумна, с расчетом поближе к воде. В таких районах вырастают как бы поселки, только вместо хат стоят скирды пшеницы, стога ячменя,

ржи, копны проса, чечевицы, гороха, да хозяйские шалаши. Мало кто везет скошенный хлеб на молотьбу в хутор. Самое большое скопление гумен бывает кругом балки Грушевник. Здесь вода, лесные фрукты, ягоды и охота.

- А то жичину негде срубить, - говорили казаки, устраиваясь на молотьбу по гребню балки. К молотьбе привозят сюда из дома кур и индюшек на вольный покос.

Тут много зерна падалицы, кузнечиков, червячков и другого корма. Гумно семьи казака Бурыкина находилось возле леса около дорожки на водопой. Старик Диан Бурыкин устроил себе шалаш из веток и бурьяна под грушами, где он сделал намести для индюшек, которые пасут целое лето. Диан был бодрый и веселый старик. Летом всегда носил казачью фуражку. На замечание своих или посторонних, что, мол, летом в фуражке жарко, надо соломенную шляпу надевать, отвечал: - Какой же я казак, если буду шляпу носить. Нет, это не идет казаку так вынаряжаться. Выйдя на попас и рассыпавшись по полю, его индюшки собирают зерна, семена трав, хватают кузнечиков, букашек и ящериц.

Диан с длинным прутом, на конце которого привязан пучек перьев, ходит кругом своего стада и оберегает его от хищных птиц и зверушек. Когда вечерело и индюшки садились на намести или размещались по веткам груш, Диан шел к своим на стан вечерить.

- Нынче настырный лунь схватил индюшенка, - рассказывает Диан своим за вечером. - Я шумлю, махаю палкой, а он не пускает... И когда я побег к нему, он пустил индюшенка и улетел.

- Живой остался? - спросил сын Тимофей. - Нет, издых. Вся голову расклевал ему настырный лунь.

- А вот у Филатовых вчера ночью ни-то лиса, ни то хорь три курицы загрызли, заявил Тимофей.

- Чаво доброго в этом Грушевнике всякой погони водится... Надо кобели брать с собой к индюшкам, - сказал Диан, окончив вечеру, пощавшись с семьей, пошел к индюшкам.

- Серка! Серка! - позвал он своего пса: - Пойдем индюшек стеречь. С ранней зари и до поздней ночи стучат молотилки на токах. Кипит работа: где бросают на ток тяжелые навильники пшеницы, где собирают соломку, где сгребают в вороха обмолоченное зерно...

- Ну, ну, поворачивайся! Иди веселей! кричат по гумнам с каменными молотилками.

Слышен веселый разговор и шутливые переклички работающих соседей.

Хуторские арбузные бахчи занимали место на толочной земле, вблизи пахотных полей. На кургане, по краю бахч стоял шалаш бахчевника. Прикрепленный к шалашу длинный шест, с пучком чернобыла на верху, как какой-то флаг, обозначал место главного стана бахчевника.

День и ночь далеко слышно было резкое хлопанье кнутов, - это бахчевники пугали налетевших на бахчи ворон, галок, грачей и тучи скворцов. Иногда раздавались выстрелы, пугавшие воров. Бахчи были расположены недалеко от Грушевника, поэтому хозяева с гумен часто приходили туда за арбузами и дынями.

Дед Диан поручил сыну Тимофею присматривать за индюшками, а сам собрался идти на бахчу.

- Дедушка, и я с тобой пойду, - просил его внученок Семка. Я базику

нарву.

- Ну, пойдем, - согласился дед Диан. Они пошли по направлению к главному шалашу бахчевника. Еще издали слышно было хлопанье кнутов и крик: Ай-ай! Ты-у-у! Ла-а!

- Дедушка, а чаво это там шуметь и стреляют? спросил испуганный Семка.

- Бахчевники ворон и грачей пугают: клюют арбузы, - пояснил Диан.

Они подошли к шалашу. Их встретил громким лаем пес, на что послышался из шалаша окрик: - Прочь прочь! - Здорово дневал, Казьма Фомич! - подходя к двери, сказал Диан.

- Слава Богу, дед Диан! Садичь отдохни, - предложил Казьма Фомич. Гости разместились в шалаше, и пошла обычная беседа.

- Ну, как Фомич, хорошие арбузы в этом году? - спросил Диан.

- Да, ничего, есть таки, Слава Богу. Только птица даже одолевает, да и ат народа не углядишь - воруют, - говорил Фомич.

- Вчера днем наметил на бахче у Терсковых себе крестовик, а нынче утром иду, яво и след простыл, сорвали нечистые духи... - Озорный народ теперь стал, - подтвердил Диан.

- Я тут один в балагане, а ребята мои на искрапки с ружьем ночуют, от воров стерегут и бродячий скот отгоняют; - сказал Фомич и тут же спросил Диана: Ну, как идет молотьба?

- Да, Слава Богу, пшаницу кончили, на этой неделе ичмень начнем.

- А зерно как? любопытствовал бахчевник.

- Не плохое... Благодаря Богу, все выходит хорошо, - ответил Диан и собрался уходить на бахчу. Садись со мной полдневать, я картошки свежей наварил, предложил Фомич.

- Спаси Христос, мы уже полдневали. Надо спешить, а то наши будут ждать вечерить...

- Ну, прости. Фомич! - Бог простит, ответил бахчевник, отгоняющего пса. - Прочь! Замолчи!

Диан с Семкой стали спускаться с кургана по дорожке к бахчам... Бахчевник кричал Диану вслед: - Я отсюда с кургана весь Грушевник вижу, все ваши гумна. А как зачнете вечером кашу варить, огни горят кругом балки, как звезды. Ну, думаю прямо хутор, да и только. А ишо как заиграет песни!.. Прямо, как праздник какой... Весело у Вас вам на молотьбе!

- Да, это есть в Грушевнике - отозвался дед Диан и пошел на свою бахчу.

По гумнам стали вырастать вороха обмолоченной пшеницы. Ее спешат перевезать. А то как бы дождь не захватил, - говорили хозяева, и уже тогда день и ночь идет работа! Одни молотят, другие перевезают обмолоченное.

Еще оживленной становится гуманный поселок: стучат молотилки, завывают и гремят веялки. Кое-где бросают вверх лопатой обмолоченное зерно, отвеивая мякину и сор.

Приблизительно вначале сентября весь хлеб бывает обмолочен. Опять по дорогам в хутор днем и ночью скрипят колеса, тарахтят арбы, нагруженные мешками зерна. Опять вы услышите где-то по дороге песню, как гимн торжествующему труду. Хутор наполнился "пшеницей" народом. Всюду идут разговоры об урожае и уборке хлебов.

- Ну, Слава Богу, все во-время убрали, - говорят хозяева, весело глядя на полные закрома пшеницы, ячменя, ржи.

- Все, что послал Господь за труды людям скошено, обмолочено, убрано.

Наступает сень. Опустели и змолкли поля. Редко где на гребне или какой либо балки новью светится огонек. Вокруг него сидят молчаливые, усталые пахари.

Из кустов и бурьянов выбегают табунки куропаток поискать себе корма на голых токах и порыться в остатках мякины.

Пробегит заяц по жнивью; где-то тоскливо кричит сыч. Утром покроет поля густой туман и где-то во мгле слышится: - цоб! цобэ! командуют пахари своим волам, лениво тянувшим плуг.

Но вот подует ветер, заморосит дождь, в поле становится уныло, не песело.

Над Грушевником нависнет туман, тогда он опять кажется страшным местом.

И.Е. Тапилин.

ЗАПОВЕДИ КАЗАКА.

1. Всегда помни, что ты казак! Гордись этим и пуще всего береги это имя. Кто поносит твоё славное и честное имя, тот твой враг!
2. Казак будь всегда христианином и помни, что христианство всегда была вера твоих казачьих предков. За него они - твои казачьи пращурь проливали свою кровь и отдавали жизнь, почему и ты, всегда борись с врагами Христа.
3. Знай твердо свои казачьи обычаи, свято храни и соблюдай неукоснительно их, и этим ты самоутвердишь себя как казак. Казачьи обычаи повелись стародавней порой из глубокой и славной казачьей старины.
4. Казак - казаку всегда и во всем брат, почему и держись всегда ближе к другим казакам. Они - твои, а ты - их! Помогай Казачьюму народу чем можешь: словом, делом, имуществом, кровью и жизнью.
5. Будь честен и справедлив, смел и прямодумен, не гнушайся своим младшим братом, но и не гни спины перед сильными, казак гордый человек!
6. Казак всегда был образцовым хозяином, что ведется изстари. Казак всегда жил и старался для своей семьи, дома, товарищества и был хорошим соседом.
7. Уважай старших. Они больше твоего видели и пережили. Сам составишься и тебе будет почет!
8. Не посягай на чужое: дом, свободу, землю. Но, за свой дом, свою свободу, свою землю жизнь отдай не задумываясь! Нет тебе жизни без них, ибо казаки никогда не были рабами!
9. НЕ слушай чужого руководства! Чужие люди всегда будут делать свое-чужое для казаков дело; а казаки, худо-ли, хорошо-ли, но будут делать свое казачье дело.

10. Растить своих детей казаками, чтобы не засохло и не перевелось на земле Казачье племя! Хотя и срубили чужаки Казачье дерево, да кое-то из своих же его доламывает, но был бы корень цел, а дерево вновь пышно вырастет.

11. Будь казаком не внешностью, а нутром - наскрость! Делая какое либо дело, помни что его, ты - казак делаешь, а узнавая о каком-либо событии, первым делом думай, что собственно оно - дело это может быть полезным для Казачьего Народа. Тебе, даже сны должны сниться свои казачьи.

12. Гордись величавой седой славой твоих предков, но и сам будь казачьим рыцарем. Когда же прозвучит вновь клик: "Казаки! По коням!" бросай все и в бой иди, не оглядываясь назад. Иди смело в бой за поруганное славное казачье имя, за свой, в кандалах закованный много-страдальный казачий народ, с лютым вековечным врагом, захватившим и ограбившим твою казачью землю...

13. Помни Казак! Нет тебе жизни в твоей судьбине, когда ты не имешь своего казачьего угла. Нет тебе жизни, казак без своей казачьей воли и вольности, без своего казачьего народа. Ратуй и борись, всегда за свое - казачье Я, и умри всегда казаком. Будь достойным ныне и всегда своих достославных, храбрых, свободолюбивых и беспорочных казачьих предков!

Старый Казак.

Г Р У С Т Ь.

Как страшно жить! Кругом обман!
Кровяный деспот правит миром.
На сердце боль, в мозгу дурман,
Во рту вкус смеси медь с хинином.

Во власти жизнь тупых идей
Глупцов, фанатиков и ката,
Был мир помещиков зверей,
Теперь тирании и злата.

Куда пойду, куда сбегу,
Куда себя от них я скрою!
Везде найду судьбу ягу
Моя мучительницу злую.

Взгляни, Господь, на мир земной
Тобой созданный когда то.
Как страдает в нем теперь, от злой
Преступной воли обитатель!

Кому Ты разум дал тупой
Тому дал право над живущим!
А людям умным и с душой
По игом жить судил гнетущим.

Раз миру дал такой закон
Печальный ход вещей случился.
Пошла к лжи правла на поклон,
Тупице гений поклонился.

В. Сычев.

БРАТЯ - КАЗАКИ!

Погуторить трошки-б с вами мне хотелось
В счет делов казачьих, нашенских делов! -
Сердце-то казачье даже изболелось
За раздоры - споры в стане казаков!
Што не поделили вы помеж собов?
По чужим державам што вам есть делить?
И, шибаясь даже грубой ругатной,
Норовить брат брата страшно оскорбить.
Вы - сыны единой Вольницы - Великой;
Вы семьи Казачьей - дети, казаки!
Так чево-ж, как в пьянке, дурно-полудикой,
Чорт-ти што кричите, словно глупаки?
За Расею што-ли кто из вас жалкует?
Што она - Расея казакам дала? -
Вить пошти три века зверствует, лютует
Над землей казачьей - словно сатана :
Казни атаманов, тысячи побитых
Казаков за Волю, землю отняла,
Городкам казачьим, как волнов смытых,
И числа вить нету!... - Щедрая она!...
Далеко не станем заглядать в былое:
Сгиб иде наш бывший - атаман Краснов?
Там иде и Разин, иде все - чужое,
Иде столько сгибло наших казаков!
Вот Краснов, к примеру, русаков жалкуя,
Влип куда не надоть и пропал так - зря!
Лишь пред смертью вспомнил, чижало тоскуя,
Што его родила Казаков Земля...
Што нам ждять от русских: вешалку в награду?
Хто из вас, станишники, был-бы рад тому?
Не! Спаси Господь нас от такова аду!
Пригребай, станишники, к берегу, к своему!
Об чужом не станем ратовать напрасно,
Будем в нашем Стане без раздоров жить;
Знайте, што раздорить меж собой - опасно:
То врагам казачьим сможет послужить!
Враг у нас один вить - русаки, Расея,
Так о чем раздорить, ни к чему шуметь?
Меж собой давайте, доброе посея,
О своем стараться, за свое болеть!...

Петр Крюков.